

Людмила Астахова

Яна Горшкова

НЧЧК. Командирская

Чем дальше в лес, тем злее дятлы!

Людмила Викторовна Астахова
Яна Горшкова
НЧЧК. Командировка
Серия «НЧЧК», книга 2

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173096

*НЧЧК. Командировка: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.;
2008*

ISBN 978-5-9922-0238-0

Аннотация

В захолустном городишке Колдубинске кто-то убивает магов. Разных рас и профессиональной ориентации. Погибли уже пятеро, и есть угроза, что список продолжится. Следователи НеЧеловеческой Чрезвычайной Комиссии по борьбе с нежитью и мажеством капитан эльф Эрин ап-Телемнар и его напарница мыслечтец-графомаг Нолвэндэ Анарилотииони отправлены в командировку с целью найти преступника и прекратить творящиеся безобразия. Дело оказывается куда серьезнее, чем представлялось вначале, но разве НЧЧК когда сдавалась? Или не доводила дело до конца?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Глава 3	92
Глава 4	131
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Людмила Астахова, Яна Горшкова НЧЧК. Командировка

Глава 1 17-18 марта

Зима для капитана НЧЧК¹ Эринрандира ап-Телемнара пролетела мгновенно. Для начала он схлопотал выговор. Не строгий, и без занесения в личное дело, но с подробным и неприятным разбором полетов на очередном ПДПС.² Зато квартальную премию не сняли, что уже хорошо. Потом было убийство с расчлененкой, на праздники ап-Телемнар традиционно дежурил, а весь январь – охотился на банду вудуистов. Имболк³ Эрин встретил на боевом посту – в засаде на мага-извращенца, при силовом захвате которого эльф получил пулю в бедро, сложный перелом челюсти и сотрясение мозга. Провалявшись неделю в санчасти, энчечекист вернулся в строй, чтобы тут же угодить под пули гра-

¹ НЧЧК – НеЧеловеческая Чрезвычайная Комиссия по борьбе с нежитью и мажеством

² ПДПС – постоянно действующее производственное собрание

³ Имболк – 1 февраля (один из кельтских праздников Огня)

бителей могил. Стараниями Готзиллы Шахидовны к началу марта Эрина трясло от одного только вида гоблинов-целителей. Заметив неподалеку белый халат, эльф инстинктивно и непроизвольно тянулся за оружием.

Короче, было весело, познавательно и абсолютно нескучно.

А еще у Эринрандира вдруг обнаружилась личная жизнь. Она случайным образом, не исключено, что даже в качестве бесплатного бонуса, прилагалась к его замечательной напарнице – леди Нолвэндэ Анарилотиони, мыслечтице и графомагу. Дочь отважной грифонолетчицы не посрамила родового имени, принимая активное и непосредственное участие в работе ап-Телемнара, немало помогая в ходе очередного расследования и обнаруживая все новые и новые таланты на поприще охраны закона и порядка.

Правда, эта личная жизнь была очень странного свойства. Невзирая на четыре с половиной месяца, прошедшие со дня знакомства, отношения эльфа и его напарницы оставались в зачаточном состоянии. В редких промежутках между совещаниями, дежурствами, допросами, задержаниями и выездами на место происшествия, они с Нол успевали иногда чмокнуть друг друга в щечку и подержаться за руки. А еще сходили дважды в кино – один раз на какой-то пиндостанский мультик (половину которого Эрин честно проспал на плече у Нол), второй – на отечественный хит сезона «Насмешку Рока – 2» (в компании с коллегой Леготаром и его

достойной супругой). Однажды почти посидели в «Лепрекон-клубе», и то ближе к ночи Эрина вызвал к себе начальник отдела собственной безопасности товарищ Шрак для серьезного разговора. На самом деле мрачному гоблину было не с кем выпить, а отказаться от приглашения следователь не мог – все-таки главный особист управления, и с этим фактом следует считаться.

Узнай кто-нибудь из руководства о новшествах в жизни ап-Телемнара – случился бы страшный скандал. Непосредственное начальство в лице Ытхана Нахыровича с со своих руководящих вершин, а также с традиционными орочьими понятиями о приличиях, и так поглядывало на эльфа с изрядной долей недоверия, время от времени напоминая ему о долге и чести, несовместимых с легкомысленными шашнями. Пришлось обновить все свои навыки разведчика по части маскировки, отвлекающих маневров и заметания следов, чтобы сотрудники по борьбе с мажеством оставались в счастливом неведении относительно подлинных отношений между Эрином и его напарницей. От всепроникающего ока бывшего спецagenta, а ныне начальника внутренней тюрьмы Леготара ап-Халдамира спрятаться, естественно, не вышло, но тот пообещал молчать, как когда-то на допросе у пиндо-станских орков. Скорее всего, товарищу ап-Халдамиру было просто забавно наблюдать за тем, как чопорно и официально общается его друг Эрин со своей девушкой на рабочем месте. Довольно сложно проводить большую часть дня наеди-

не в одном кабинете и не обменяться ни прикосновением, ни лишним поцелуем. Кому-то, возможно, вся эта конспирация и сдержанность показались бы странными, но работа в НЧЧК не располагала к излишествах. А кроме всего прочего, существовал еще и такой серьезный фактор, как семейство Анарилотioni. Мамуля, папуля, братцы и, естественно, стаи племенных грифонов не дремали, дистанционно блюдя честь Нолвэндэ одним только своим наличием.

В общем и целом – не служебный роман, а страшная тайна, покрытая мраком, причем и для обоих влюбленных тоже. Так тоже бывает. Чисто эльфийская черта – все усложнить до предела и мужественно преодолевать все препятствия, ни в коем разе не ища легких путей.

А потом в канун дня Святого Патрика Нолвэндэ получила повышение в чине – погоны лейтенанта. Вполне заслуженно, надо заметить. Праздновать событие решили одновременно с основными торжествами, тем более, что управление уже арендовало «Экспресс-кафе» для корпоративной вечеринки. Коллеги Эрина с нетерпением ждали 17 марта, чтобы с чистой совестью и в честь неофициального Дня Независимости напиться, орать песни и флиртовать с дриадами.

Но сначала всем полагалось принять горькую пилюлю в виде Торжественного Собрании. Скажем прямо, мероприятие это вызывало у большинства энчечекистов дрожь отвращения, а также рвотный рефлекс и нервный тик. А кое у кого – обильный словесный понос с отчетливым матерным

компонентом. На рисование праздничной стенгазеты бросались лучшие древовидные кадры, словно от безвкусно размалеванных и склеенных ватманов зависел смысл жизни всего учреждения. За неделю до знаменательного события все дриады и наяды становились самыми важными сотрудниками, ведь именно на их плечах лежала подготовка к празднику. А так как от избытка ответственности они чрезвычайно быстро нагтели, то тут же приступали к проеданию плечи всем окружающим. От каждого отдела требовалось написать статью о своих достижениях, дать несколько фотографий и какую-нибудь красивенькую открыточку (лучше с цветочками). От предоставления изображений по вполне понятным причинам был освобожден только добрый доктор Роин сын Норина. И мало кто из белокурых дев-общественниц решался прочесть написанную им статью. Даже клеили её с закрытыми глазами, до того могучим слогом и ярким видением мира обладал гном-патологоанатом.

Эрин свою статью скачал в Паутине. А когда возмущенная подобной недобросовестностью Пуанцетия (та, которая из отдела кадров) сделала ему замечание, то пообещал применить к дриаде «метод Желудьковской» (уборщицы, с которой эльф находился в состоянии перменентного конфликта), обычно включающий в себя летающее ведро и сломанную об колено швабру, но ради особо торжественного случая расширенный до разрисовывания недовольных девиц маркерами ядовитых цветов. От необходимости еще и доклад писать

у капитана ап-Телемнара и так скулы сводило, а тут какие-то претензии вместо благодарности.

– Шрак, а о чем ты будешь делать доклад? – поинтересовался Эрин во время обеденного перерыва у необычайно мрачного особиста.

– О международной обстановке и политической ситуации в Империи, – буркнул тот, приканчивая вторую тарелку рас-сольника.

– Хорошо тебе, – вздохнул эльф. – А я не знаю.

– Напиши о маньяках древней Ирландии. Будет в тему.

– О друидах, что ли? Про жертвоприношения?

– Угу. Приплети туда Святого Патрика, и будет шикарный доклад, – посоветовал гоблин меланхолично.

– А ты куда Патрикаставишь в свою политику?

– Куда придется.

То ли дело День НЧЧКиста, когда каждое подразделение просто рассказывает о своей работе, и не нужно ничего выдумывать. А тут обязательно надо упомянуть Святого Патрика, благодаря усилиям которого Волшебные Расы окончательно обрели независимость от других миров. Хоть умри, но Патрик должен быть. Ведь потом доклады сдаются в президиум и отсылаются в головное управление. Что там делают с этими идиотскими бумажками, для Эринрандира и всех его соратников оставалось тревожащей душу тайной. Допустить, что в мире есть придурки, способные перечитать столь вопиющий бред, было очень сложно. Таких просто нет. У

Дзира имелось предположение, что вышестоящая организация просто зарабатывает на лишние канцтовары, сдавая доклады в макулатуру. Хитрож-ж-ж... умный дроу с докладами поступал проще. Он каждой цитате, употребляемой в тексте, приписывал авторство Святого Патрика. Получалось внушительно. И Ытхану Нахыровичу очень нравилось.

Накануне самого празднования стенгазета торжественно размещалась на стене актового зала, и каждый сотрудник обязан был хотя бы бегло ознакомиться с её содержанием и затем похвалить млеющих от восторга авторш. Зал украшался вырезанными из цветной бумаги листиками клевера, корявыми кельтскими узорами и копией портрета самого Святого Патрика, сделанного сидским мастером еще при жизни крестителя Ирландии. Странное выражение, застывшее на лице святого, объяснялось просто – сиды с людьми не церемонились никогда, а если к твоей спине приставлен меч, изобразить доброжелательность во взоре очень и очень непросто.

Обычно Торжественное Собрание проходило мимо сознания Эринрандира практически безболезненно. Благодаря «Черной чайке», естественно. Залившись эликсиром по самые уши, эльф спокойно переносил отчет о проделанной работе в громогласном исполнении Ытхана Нахыровича, следовавшие за ним доклады, вручения грамот и премий, а также импровизированный концерт, устроенный силами все тех же дриад-общественниц. Все равно потом либо напиться до

бесчувствия на корпоративной вечеринке, либо дежурить по управлению. Но нынешний день Святого Патрика знаменовался тайным и тщательно продуманным планом побега от бдительных коллег, который Эрин с Нолвэндэ разработали днем раньше. Напарнице очень хотелось в «Лепрекон-клуб», а ап-Телемнару – хотя бы немного побыть наедине с Нол. Посидеть рядом, не шифруясь и не прячась, послушать музыку, потанцевать и, может быть, даже позволить себе чуть-чуть нежности по отношению к девушке. Хотя... мрачные прогнозы, сделанные капитаном самому себе, постепенно сбывались. На работе они с Нол общались крайне сдержанно и сугубо официально, а свободного времени не оставалось вообще. Зачастую Эрин по нескольку дней не появлялся дома, а если и добирался до улицы Арсенальной, то лишь затем, чтобы принять душ и упасть лицом в подушку. Работа ведь никуда не делась, напротив, её стало больше.

Эрин уселся рядом с Леготаром, а Нолвэндэ – поближе к командиру дровского спецназа Дзиру, друг на друга они даже не смотрели.

– Ты сегодня без «Чайки»? – тихо спросил ап-Халдамир.

– Кончилась, – соврал следователь.

– Угу, – кивнул бывший спецагент и самым невинным тоном спросил: – На вечеринке тебя не будет?

– Да. Я потихоньку смоюсь.

Его Непроницаемость кривовато и невесело усмехнулся. Он-то знал, чем кончаются подобные тайные побег.

Эринрандира ему было откровенно жаль, но вслух Леготар не сказал ничего. Взрослый уже мальчик, пусть сам разбирается со своими сердечными делами.

Вслед за традиционно долгим и скучным докладом Ытхана, смысл которого терялся в дебрях канцелярско-бюрократических фраз, последовала череда еще более унылых и навевающих зевоту выступлений, чьим единственным достоинством оставалась скорость прочтения. Народ откровенно ёрзал на стульях и терпеливо ожидал конца всего этого издевательства. Где-то там уже степливалась водка, сохла колбаса, и подтекал салат из свежих овощей.

Нолвэндэ и еще парочка новичков получили грамоты за успехи в работе, к которым прилагалась денежная премия. Эрин искренне порадовался за свою напарницу – высокую, стройную и сияющую, принял заслуженные поздравления от коллег, как наставник столь молодого и симпатичного дарования, позволил себе ласковую улыбку, адресованную смущенной всеобщим вниманием девушке, и, скрипя зубами, дотерпел до конца дриадский концерт. А когда Ытхан Нахырович наконец решил, что народ созрел для разврата, и дал долгожданный отбой, незаметно сбежал из управления. Ему еще предстояло добратся до «Лепрекон-клуба». Чье-чье, а его отсутствие на праздничной вечеринке никого не удивит и не расстроит. Пьяный в стельку ап-Телемнар к дриадам не пристаёт, не танцует и даже не особенно склонен к душевным разговорам. Так что пусть себе пьет в гордом одиноче-

стве и не мешает коллегам веселиться. Девушки, конечно, погрузят, но быстро утешатся. Кто же виноват, что синеглазый эльф оказался такой грубой скотиной?

* * *

Улизнуть из-под взора коллег, радостно возбужденных грядущим корпоративом, особенного труда не составило. Собственно, даже и удирать тайком не пришлось. Леди Анарилотиони достаточно было мило пожаловаться на усталость и озвучить намерение встретить праздник в более спокойной обстановке, дабы не провоцировать утреннее нерабочее состояние в связи с похмельем... Мыслечтение – штука тонкая. Никогда не угадаешь, что именно может «сбить настройки» у мыслечтеца и графомага, так что... Меня, в общем-то, никто не удерживал. Вежливо поздравив коллег и пожелав им хорошо повеселиться, я отбыла. Полагаю, энчекеисты не были удивлены моим нежеланием любоваться на пьяных дриад и их национальные танцы.

А вот в «Лепреконе» было хорошо. Полумрак, клубы табачного дыма под потолком, задорные кельтские напевы и та особенная атмосфера, которая бывает только в отменном сидском пабе. Сиды, само собой, составляли нынче большинство присутствующих. Дети богини Дану поднима-

ли кружку за кружкой во славу Патрика, и застольные их речи становились все веселее и громче. Впрочем, в зале «Лепреконе» хватало и других представителей Волшебных Рас. Все-таки День Патрика объединяет всех.

Я заприметила уютный уголок с диванчиком вместо обычных лавок и радостно устремила туда. Воистину счастье, что столь удобное место оказалось незанято, хотя... В «Лепреконе» я довольно частая гостья – и не спрашивайте, каким чудом мне удастся урывать время на то, чтоб посетить очередной концерт! Так что меня уже, можно сказать, знают. Опять же, парадная энчечекистская форма с новенькими погонами что-то да значит. А место и впрямь хорошо! Во-первых, полумрак скроет меня – и моего спутника, когда он появится – от любопытных взоров, а во-вторых – до бара рукой подать. В «Лепреконе» официанты традиционно разносят только закуски, за пивом посетители подходят сами. Забив столик, я запаслась живительной влагой: взяла по «Самайну». «Красный» – мне, «Черный» – Эрину. Если поставить кружки рядом, получится очень символично, да. Благородный напиток не успел согреться в кружках, как уж и Эрин появился. Ну вот, теперь праздник точно удался.

– Здорово, что мы тут вдвоем, – заметила я, подставляя для дружеского чмока щеку, где усилиями двух веселых ланнан-ши и одной корриган в честь праздника уже красовался изумрудный трилистник. – Честно сказать, это мероприятие меня... немного утомило. Не ожидала такого официоза. Я

тут пива взяла.

– Вижу.

– Вроде бы положено проставляться за «звездочки», а? – Я горделиво покосилась на новенькие погоны. – Как смотрятся?

– Отлично смотрятся. Ты – молодец, Нол. Заслужила.

– Надеюсь. – Я подняла кружку. – Следующий тост будет с тебя, а пока... Эх, дай Эру, чтоб не последние!

Потом мы выпили за меня, за Патрика, за зеленые холмы Ирландии, за свободу Волшебных Рас, за Эрина и снова за мои погоны. А разговор все не клеился и не клеился. Никак. Я уже отчаялась найти такую тему, которая не замирала бы на второй фразе. Ну что ж такое? Праздник же! Может, ему тут не нравится? Ладно, последняя попытка.

– Послушай, я давно хотела спросить... – начала я. – Этот... хм... забавный фильм, на который мы тогда ходили, случайно, не образчик твоих предпочтений в отношении кино?

– Что? Нет! Это же Леготар предложил.

– А! Ну, ты меня успокоил. – Пиво сделало меня посмелее, к тому же, в голове возникла вдруг некая идея, показавшаяся мне неплохой. – Я, признаться, была несколько удивлена тогда.

– А что было не так с фильмом?

– С фильмом... Да все так, наверное. – Я пожала плечами, а потом все-таки призналась. – Понимаешь, я его, в об-

щем-то, и не видела. Меняхватило на пять минут, а потом пришлось... хм... несколько изменить сознание, чтоб не реагировать на внешние... хм... раздражители. Я подумала, для всех так будет лучше. А что, действительно было незаметно?

– Никогда бы не подумал.

– Льстишь ты мне, пожалуй. – Я задумчиво нахмурилась. – Ну да ладно. Речь не о том. Я к чему все это завела... Мне тут братец Арк мое любимое кино прислал, наконец-то. Я за ним полгода гонялась, нигде найти не могла. «Семь Урукхайев». Отличный фильм! Давай еще немножко посидим – и, может быть, ко мне? Посмотрим на ноуте, пива возьмем еще, креветок там... Ты как?

Ой, тис зеленый! Что ж его так перекосило-то? Может быть, я сказала что-то не то?

– Понимаешь, солнышко...

А вот тут передернуло меня. Ничего не могу с собой поделаться. Каждый раз, когда меня кто-нибудь так называет, леди Анарилотиони начинает трясти. Ненавижу эту кличку! Еще с гимназии. И потом, в юности был у меня один... знакомый, у которого все... хм... использованные девушки становились «солнышками». Меня этот ловелас осмелился так назвать лишь единожды – я немедленно пожаловалась братьям, и они поговорили с наглецом по-мужски. Короче, на «солнышко» у меня аллергия. Я уже раз двадцать собиралась с духом, чтоб попросить Эрина не называть меня так, но всякий раз не решалась. Однако надо как-то исправлять

ситуацию.

Как раз в этот момент отдохнувшие музыканты завели новый напев, и сиды немедленно пустились в пляс. Вот и повод.

– Ой, рил! – Я чуть ли не подпрыгнула. – Пойдем, а? Пока ноги держат?

И решительно потянула Эрина из-за стола. Может, хоть так повеселеет?

* * *

От предложения совместного кинопросмотра Эрину как-то сразу стало не по себе. Обольщаться не стоило – за приглашением Нолвэндэ не стояло ничего такого... предосудительного. К сожалению. Или к счастью?

Но растревоженное воображение тут же нарисовало весьма соблазнительную картинку: полумрак, рядом теплое бедро Нол, её распущенные по плечам волосы, запах духов. Практически все тоже самое, что и сейчас. И лорд капитан ап-Телемнар не удержался. Он настойчиво утянул девушку в самый темный уголок клуба и весьма решительно поцеловал. Так, как ему давно хотелось, но все никак не получалось – по-настоящему, по-взрослому. Но стоило рукам скользнуть чуть ниже талии... Эрин вдруг увидел, как зрачки Нолвэндэ расширяются от ужаса, и сразу почувствовал себя то ли зме-

ем, то ли демоном-искусителем.

Едреные пассатижи! Она испугалась! Смертельно испугалась. Сердечко забилося, задрожали ресницы... В более идиотском положении Эринрандир не оказывался давным-давно. И никогда сам себе он не был так противен. А как теперь себя вести непонятно. Отскакивать в сторону? Извиняться?

Спас его Грэй Вольфович. Он позвонил эльфу на мобильник.

– Привет, ап-Телемнар! С праздничком тебя! – радостно прогавкал ворлок. – Леготар сказал, что ты трезвый.

– Привет! Да, абсолютно.

– Тогда спасай. Надо срочно заменить Тылпахаша.

– Сейчас приеду!

Какой прекрасный выход из положения! Сбежать, немедленно сбежать!

– Нол, солнышко, мне придется вернуться в управление, – сообщил он напарнице. – Все уже перепились, а дежурить вместо Тылпахаша некому. Ты же знаешь, что отказаться я не могу, – оправдывался Эрин, поспешно накидывая пальто. – Ты тут развлекайся без меня. Все-таки праздник. Все! Я убежал!

Невинный чмок в макушку, и ап-Телемнара тут же след простыл.

В благодарность за спасительный звонок Эринрандир купил ворлоку-реконструктору томатного сока. Купил бы и хорошей колбасы на бутерброды, но магазины были закрыты.

Столь своевременного дежурства эльф не мог упомнить. Никаких соблазнов, никаких левых мыслей, никаких страстей. Хватит с него интима и уединения за счет чужого страха и недоверия. От праздников и безделья одни только проблемы.

Но на всякий случай Эрин все же позвонил Леготару:

– Тар, намекни Дзиру, что Нол сидит в «Лепреконе» одна... Да! Я еду в управление. Отбой.

Эльфю совершенно не хотелось, чтобы девушка возвращалась домой в одиночестве. Пусть лучше с Дзиром или кем-то из его веселых парней, чем с подозрительными во всех отношениях незнакомцами.

* * *

Что скажет мама?! Это была моя вторая мысль. Первую – «что сделает папа?» – я даже додумывать побоялась. Приступ этого страха буквально парализовал меня, очень вовремя удержав от... хм... полного растворения в... процессе. Да. Я действительно была очень близка к тому, чтоб окончательно потерять голову и натворить... или не натворить? Короче, я запуталась совершенно. Эта внезапная страсть, еще более неожиданная на фоне привычной уже сдержанности... Я не понимала, что все это значит. Честно. Зато прекрасно понимала другое – я не могу себе этого позволить, и неважно,

но, чего там хочется мне... нам обоим. Не могу – и все. И дело совсем не в моей репутации... не только в моей. Если об этом узнают... если хоть малейший намек на сплетню просочится, ну, хотя бы в прессу... Моя мать слишком известна своим нравом и принципиальностью, и резкостью позиции и высказываний. Ее очень многие не любят. Мой отец – как кость в горле для многих тоже. Я не могу их подвести. Служебный романчик барышни Анарилотиони! Дочь знаменитой грифонолетчицы – любовница своего шефа! Кошмар... Представив себе лицо матери в тот миг, когда какой-нибудь назойливый писака обратится к ней с вопросом: «Миледи, публичная связь вашей дочери со скандально известным капитаном НЧЧК – это продуманный политический шаг или просто распущенность?», я похолодела. Отец его пристрелит, точно. А мать – прибьет меня. Нет, нет, мне нельзя! Нельзя ни в коем случае! Кроме того... это ведь действительно распущенность. Непохоже, чтобы он меня любил. Да нет, быть того не может. Конечно, нет. Просто... атмосфера... и пиво... и это мое приглашение посмотреть кино... Эру, что же он подумал?!

Все эти размышления, естественно, безнадежно отравили момент. А со стороны... со стороны мои мысленные терзания выглядели так, будто я внезапно окосела от страха.

Я уж было открыла рот, чтобы пролепетать какую-нибудь глупость и испортить все окончательно, но тут телефонный звонок меня спас. Или, похоже, нас обоих.

Вольфович несказанно обрадовался любимому напитку, а в качестве ответного жеста позволил Эринрандиру пару часов спокойно почитать последний номер «Алхимии и нежити», не приставая с расспросами. Следовательно НЧЧК надо держать руку на пульсе событий и внимательно следить за новинками в борьбе с некромантией, а так как за рабочей рутиной до журналов руки не доходят, то каптерка дежурного – это единственное место, где можно внимательно изучить периодику по интересующему вопросу. Тем более что весь выпуск был посвящен редкостному виду запрещенного колдовства – черной дендромантии. Конечно, большинство дриад и леших – существа законопослушные, но и среди них встречаются преступники, практикующие опасную для общества магию. Эльф так увлекся чтением, что не заметил, как пролетело время. Оборотень допил сок, облизнулся и заглянул Эрину через плечо.

– Гемикриптофиты? Эт чо за фигня такая? Язык сломать можно.

– А ты не читай. Я ж в твои конспекты не лезу, – отмахнулся эльф и продолжил самообразование.

– А че такое «пиноцитоз»? – не унимался любопытный

ворлок.

– Вольфович, отстань!

Еще час ему как-то удавалось отбиваться от настырного напарника по дежурству, который, точно пчела над цветком, вился над журналом и пытался испить, образно говоря, нектар мудрости с его страниц. Потом Эрин сдался, отложил «Алхимию» и пошел делать чай и жарить горячие бутерброды с сыром.

– Я все хочу спросить – ты почему не напился сегодня? – спросил Грэй, прежде чем вгрызться в угощение острыми, как бритвы зубами.

– Не получилось.

– Завязать решил?

– Ну... почти, – уклончиво ответил Эрин. – Просто времени нет, чтоб нормально расслабиться.

Ничего он не решил, просто стал снимать стресс от работы более скрытно и незаметно для окружающих. Маскироваться, так маскироваться.

– Наши решили, что ты свалил в «Рюмашку». Я сперва Леготару не поверил. Уже ночь, а ты трезв как стекло. Чудеса.

– У меня дела были. По работе.

Оборотень окинул эльфа странным взглядом, словно увидел впервые.

– Эрин, если ты еще и пить бросишь, то очень скоро окончательно сгоришь.

– Вам не угодить, – хмыкнул следователь. – Пью – плохо, не пью – тоже плохо. Не работаю – выговор, вкалываю сутками напролет – вызов на ковер и лишение премии. Сколько живу, а живу я давно, никому не могу угодить.

– А! – махнул рукой Вольфович. – Все мы такие. Думаешь, Ытхану легко? Хорошо хоть у нас с тобой ни семей, ни обязательств, только работа. Самая верная из спутниц, я тебе скажу. Никогда не предаст, не обманет ожиданий, не требует больше, чем можешь дать.

Весенняя ночь настроила оборотня на философское расположение духа. Он углубился в размышления о смысле и радостях бытия, о ценности каждого прожитого дня и питательности мозговых косточек, о поисках своего места в жизни и пользе ошейников от блох. Что и говорить, язык у сына знаменитого мага-юриста был подвешен что надо. Слушать его можно до бесконечности. Главное, не смотреть, как шевелятся уши и горят зеленым глаза. С непривычки очень нервирует.

Впрочем, за множество совместных дежурств Эрин знал все тезисы Вольфовича наизусть, и о том, как ценны для мужчины свобода и независимость, тоже. С последним у следователя был полный порядок – от него ничего и так не зависело. Особенно в отношениях с Нолвэндэ. По большому счету, он ей не нужен ни в каком ракурсе, кроме профессионального. Разве много Эрин ей уделял внимания? Мизер.

Может, чувства какие проявлял не на словах, а на деле? Ничего подобного. Неудивительно, что девушка от него шарахнулась. Это же только со стороны он выглядит таким замечательным – синеглазым, орденоносным и благородным рыцарем, а на деле – зануда и алкаш. Грустно, конечно, но так оно и есть. У Нолвэндэ впереди карьерный рост, совершенствование в профессиональном плане и покорение всяческих высот. Ну и зачем ей капитан ап-Телемнар? Ответ напрашивается сам.

Ближе к утру Эрин, дописывая незаконченный накануне отчет, все-таки придумал, как ненавязчиво убедить Ытхана Нахыровича перевести Нолвэндэ куда-нибудь поближе к столице. Любовь любовью, а девушке надо развивать дар мыслечтицы, учиться у более опытных спецов и вносить свою лепту в славную историю семейства Анарилотиони. В здешнем захолустье она только время даром теряет. Через каких-то десять лет о Нолвэндэ будут говорить на самом высоком уровне, если, разумеется, сейчас её непосредственное начальство проявит свое хваленое благородство и сделает все, чтобы девочка совершила первый шаг навстречу своему звездному будущему.

Уже перед уходом домой Эрину позвонил Ытхан и затребовал к себе. Срочно, немедленно, а лучше бегом.

– Что-то опять не так? – хмуро спросил с порога следователь вместо приветствия.

– Едешь в Колдубинск, – объявил сонный и опухший после вчерашнего орк. – Там у нас серия убийств магов. Уже четвертый труп.

Эрин обрадовался. Честно. Лучшего повода избежать встречи с Нол и необходимости смотреть ей в глаза после вечернего инцидента просто не придумаешь. За пару недель он измыслит хитрейший и тончайший план по самоустранению из её жизни, а по приезду воплотит его в реальность. Осторожно, незаметно, исподволь... Нол сама не заметит, как утратит к лорду капитану всякий интерес.

– Отлично, – оживился эльф. – Кого дадите в группу? Снова Меноваззина и Тылпахаша?

– Вот еще! Поедешь с Нолвэндэ, а потом, если чего нароете, пришлю группу.

Что такое Колдубинск, ап-Телемнар знал не понаслышке и более неудачного места для девушки такого происхождения и образа жизни не смог бы вообразить в самых страшных кошмарах. Нол вовсе не белоручка и неженка, но... балрог раздери! – не в Колдубинск же.

– Ытхан, ну зачем она мне там нужна? – возразил Эрин. – Я и сам как-нибудь. Что – первый раз?

Но старый орк оказался неприступен, точно гранитная скала или бастион Барад-Дура. Он категорически отказался оставлять леди Анарилотioni в городе. Аргументов было несколько. Первое, без мыслечтеца там не обойдешься, второе – Нолвэндэ по-прежнему нужна практика, и третье – как

руководство сказало, так и будет. Точка! Эринрандир удивился, затем честно попытался переубедить Ытхана сначала логическими доводами, потом – криком, а следом – угрозами подать рапорт на увольнение, если никто не считается с его мнением и ни во что не ставит. Не помогло.

В ответ орк швырнул строптивому подчиненному ключи от машины, обозвал наглым выродком, пообещал направить на психиатрическую экспертизу и потребовал убираться с глаз долой немедленно, а без пойманного серийного убийцы магов не возвращаться вообще.

– Раздолбаешь мне казенный «Нуэно» – в порошок сотру! – орал Ытхан вслед. – Ты у меня еще покапризничаешь, недоразумение ушастое!

Поставив машину перед окнами, Эринрандир забежал к напарнице, но заходить в квартиру не стал.

– Доброе утро, солнышко! – ласково мурлыкнул эльф, легким движением взлохматив волосы на её макушке. – Соберайся, мы едем в командировку.

– Да? И куда же? – удивилась Нол.

– В Колдубинск. Дыра дырой, честно говоря. Вряд ли тебе там понравится, солнышко.

– А что там случилось?

Эрин легкомысленно фыркнул и пожал плечами.

– По-моему, убийство, но раз уж мне не дали группу, то, скорее всего, ничего серьезного. Это Ытхан на мне злость

срывает.

Ложь во благо давалась ему без напряжения. Когда требуется – чесать по ушам ап-Телемнар умел ничуть не хуже товарища Дзира.

– Так что, если у тебя нет желания шесть часов трястись в глухомань, то можешь позвонить Ытхану. Он тебя оставит дома без проблем, а я... я очень скоро вернусь. Подумаешь – каких-то пару дней, – бросил он через плечо и пошел к себе собираться.

Клюнет или нет – неизвестно, но попробовать убедить напарницу в необязательности её присутствия надо. Вдруг ей не хочется ехать в Колдубинск.

Белье, старый камуфляж для пробежек по пересеченной местности, пара футболок, запасной свитер и много-много носков – что еще нужно старому опытному разведчику? Ну, разве только сменить неуместное пальто на удобную курточку – легкую и теплую, и оставить на вешалке форменный китель.

Во всем надо видеть хорошую сторону. Даже в служебной командировке в такое место, как Колдубинск. С одной стороны – городишко паршивый, народ подозрительный и не склонный к откровенности, там наизнанку придется вывернуться, чтобы докопаться до истины. А с другой стороны – в такой глухой провинции удостоверение НЧЧК по-прежнему внушает обывателям душевный трепет, опять же: свежий

воздух, простая деревенская еда и крепкий сон. Молочко, котлетки, каша, наваристые супы... ух!.. От плотных завтраков, обедов и ужинов Эринрандир не отказался бы. Да и полдни ему не помешают. Например, оладушки со сметаной под какой-нибудь ягодный кисель. Если судить непредвзято, то эльфу следовало бы набрать мышечной массы, чтобы достичь идеальной физической кондиции, а если предвзято, то на самого себя в зеркало смотреть противно – тощее ушастое недоразумение (прав таки Ытхан Нахырович), у которого от одних только мыслей о добротной жратве начинает бурчать в животе.

Торопиться, в общем-то, было некуда, и пока непреклонная в своем желании трудиться Нолвэндэ собирала вещи, Эрин успел сварить себепельменей, кофе попил, покурил и даже полежал немного на диване, давая отдых затекшей во время дежурства спине. Ему еще шесть часов ехать, между прочим. Оно, конечно, лучше всего, чтобы тебя везли, но до Колдубинска на общественном транспорте добираться – себя не уважать. Три часа на электричке, а потом двумя автобусами с очень неудобной пересадкой. Итого: приезжаешь туда уже поздно вечером, когда все добропорядочные колдубинцы крепко спят, прешься через весь город, ломишься в дом к местному энчечекисту и ночуешь на полу в летней кухне. Спасибо – нет!

Позвонить Ытхану, да? Ничего серьезного не произошло, так? Ну-ну. Уже бегу и звоню, а по дороге роняю тапочки. Отпущу я его одного, как же. Нет уж, милорд, так просто ты от меня не избавишься!

Я решительно распахивала по карманам рюкзака вещи и только что вслух не ругалась. Что же, он меня совсем дурой считает? Или настолько не уверен в моем профессионализме, что позволяет себе врать мне прямо в лицо? Мыслечтец я – или кто, в конце-то концов? А, может... Я замерла с зажатыми в руках носками, пораженная внезапной мыслью. Что, если это все из-за того, что случилось вчера? Внезапная страсть, а теперь – неожиданное недоверие и откровенная ложь. Проклятье. Получается, это могла быть обычная проверка? Да нет, чушь... А если не чушь? Ответила я вчера, прежде чем осознала, что и с кем творю? Еще как ответила. Ох, балрог! Как все запутано! Я параноиком с ним стану, честное слово. Или – преступлю профессиональную этику и личную честь и все-таки решусь его прочитать. Но после этого... если я без спроса залезу в его голову, ни о каком доверии, а тем более, любви, речи больше не будет. Никогда. Даже когда я случайно ловлю обрывки неэкранированных мыслей и эмоций, это равносильно... подсматриванию в ван-

ной через щелочку, а вот так – взять и вскрыть? Это все равно что публично изнасиловать в особо извращенной форме прямо на ступеньках главного входа в управление. Причем не в местное управление, а в столичное. Единственный раз я позволила себе читать, но лишь то, что не было закрыто и не имело отношения ко мне. Этот факт и так чернит мою репутацию мыслечтицы. Это – практически профнепригодность. Может, он это понял? И теперь именно поэтому не хочет брать меня с собой?

Но, вероятнее всего, причина значительно проще. Я позволила себе лишнее, приняв симпатию за нечто большее... я разрешила себе увлечься настолько, что чуть было не соблазнила своего старшего напарника. Это очень плохо, очень. И это больше не повторится. Надо исправлять то, что я натворила, пока еще есть, что спасать.

В общем, к машине я подошла, настроенная весьма решительно. Что бы там ни было в этом неведомом Колдубинске, я приложу все силы, чтоб реабилитироваться. Пусть капитан лорд ап-Телемнар не думает, что личные... м-м... слабости лейтенанта леди Анарилотioni как-то повлияют на качество работы. Нет уж, только не в этот раз. И никаких юбочек и чулочков, упаси Эру. Я умею выглядеть серьезной, если надо. Никаких голых коленок. Я не собираюсь никого провоцировать. Честно. Хватит и одного раза, спасибо большое.

Своим невзрачным видом казенный «Нуэно» доверия не внушал, но гномы-механики из гаража НЧЧК Эрина никогда не подводили. Они прекрасно знают, что Ытхан за любую поломку снимет голову и выгонит с работы. Орк сам любил прокатиться с ветерком и терпеть не мог, когда его сотруднику вместо работы требовалось регулярно нырять под капот. Каждый должен делать то, на что учился.

– Не переживай, – усмехнулся энчечекист, дружески хлопав напарницу по плечу. – Выглядит паршиво, зато ездит как зверь и не ломается.

Они покидали вещи в багажник и стали рассматривать карту.

– Нол, давай ты поведешь по трассе до поворота, а дальше уже я – там дорогу надо знать, – предложил Эринрандир. – Сначала я посплю, а потом ты. Рубит меня после дежурства.

Редкое и несказанное удовольствие – просто откинуться на спинку сидения, устроить затылок на подголовник, и сквозь зеркальные стекла темных очков наблюдать за строгим и сосредоточенным личиком леди Анарилотиони. Как не полюбоваться лишний раз своей чудесной, умной и красивой напарницей. Надо же, как ему необыкновенно повезло! Вот просто так и ни за что Судьба подкинула капитану ап-

Телемнару – хмурому трудоголику и бессердечной скотине, такую замечательную девушку – мыслечтицу и графомагшу. Смотреть, смотреть и, так вдоволь не насмотревшись, уснуть под мерный шелест шин. Впереди, как минимум, неделя, которую они проведут вместе. Не исключено, что из этой командировки выйдет что-то хорошее..., а может, и нет...

* * *

«Нет мудрее и прекрасней средства от тревог...»,⁴ – тихонько звучал в динамиках мягкий голос одного из мудрейший бардов Седьмой Эпохи. Убедившись, что Эрин заснул, я все-таки включила радио, настроившись на волну станции «Менестрель». На минимальной громкости, конечно, хотя рев нуэновского движка был способен заглушить все. Дорога стелилась под колеса серой лентой, и все мои тревоги и метания, и верно, куда-то ушли, уступив место умиротворению. Старая песня права. Дорога действительно на многое заставляет взглянуть по-другому. Особенно, если полностью сосредоточиться на процессе вождения, а мне именно это и пришлось сделать. Для дочери моих родителей было бы странно не водить машину вообще, но прошло уже слиш-

⁴ «Нет мудрее и прекрасней средства от тревог...» – начальная строка песни «Ночная дорога» авторства Ю.И.Визбора.

ком много времени с тех пор, как я последний раз садилась за руль, а энчечекистский казенный «козлик» – машина капризная, и нежным женским рукам подчиняется неохотно. Потому я и не могла себе позволить даже короткого взгляда на спящего на соседнем сидении Эрина. Взгляни я на него разок – и просыпаться ему придется уже в кювете. Засмотрюсь потому что.

Вот когда он так спокойно и тихо спит рядом, вполне можно немного поразмыслить о случившемся и не-случившемся, и о том, что могло бы произойти. Давай-ка, леди Нол, разберемся для начала в себе, договорились? Я его люблю? Ага, и еще как! Уверена я, что это – *тот самый*? Уверена. А доверяю ли я ему? А! Вот где волколак порылся. Не доверяю – это раз. Не понимаю – это два. Не могу просчитать – это три. И откровенно боюсь – это четыре. Причем страх и недоверие относятся в первую очередь ко мне, к моей глубинной и тщательно скрываемой боязни *отношений*. Все эти невинные поцелуи втихаря на лестничной площадке и держания за ручку изрядно усыпили мою бдительность, так, что я чуть не проглядела ту самую ловушку, в которую так боюсь угодить. Отношения. Как раз то, о чем я ничегошеньки не знаю. Ибо нельзя же всерьез считать таким уж глобальным опытом юношескую влюбленность в героического сида Энгуса Мак-Как-То-Его-Там и неделю отчаянных и ни к чему не обязывающих встреч с веселым белокурым тильвит-тегом. Блондинистый Фиан был нужен мне ровно настолько,

насколько и я – ему. В основном – чтоб отомстить семейству и гордо провозгласить свою независимость от косных традиций. К счастью или несчастью, но семья до сих пор пребывает в счастливом неведении относительно моей страшной мести. Связь эта завершилась сама собой, как только иссяк поток анекдотов, которые мы умудрялись рассказывать друг дружке в... процессе. С Эрином такого не будет и быть не может. Тот вчерашний инцидент в «Леперконе» запросто мог разрешиться на диване, а это – уже слишком серьезно, чтоб играть. На самом деле, и само это происшествие в темном уголке клуба – уже очень серьезно для меня. А для него? Вот-вот, то-то и оно, что не знаю.

Ладно, если судить по карте, до означенного поворота на Колдубинск остается каких-то семь километров. Вот уже и леса начинаются. Съеду с трассы, остановлюсь, вылезу покурить и оправиться, а потом разбужу его. И, кстати о Колдубинске... Балрог, да я пилотку свою съем, а новенькими погонами закушу, если там действительно не стряслось «ничего серьезного»!

Вожделенного поворота я достигла, отчаянно борясь с зевотой. Монотонность пустынной трассы и мартовские пейзажи по обочинам коварно наложились на недосып после бурного празднования Дня Патрика и сработали не хуже снотворного. Все-таки праздник удался! Стремясь избыть неловкость и смущение, после спешного отбытия Эрина из клуба я взяла себе еще «Самайна» и не успела выпить и трети

кружки, как в клуб завалилась веселая компания ДОБРовцев. Бравым ребятам, должно быть, наскучил корпоратив с начальством и дриадами, вот они и навестили «Лепрекон». Очень кстати, надо заметить. Еще немного – и я бы скисла, а так мне удалось и поплясать, и партию в бильярд Меновазину с треском продуть, и даже включиться в хоровое исполнение народного сидского хита «Кто родом из Ирландии».⁵ Причем тот факт, что компания из пятерых дроу и меня, ни разу не из Ирландии родом, голосистых детей богини Дану все-таки переорала, до сих пор грел душу.

Остановив «Нуэно» у обочины, я заглушила мотор и вылезла размять ноги и покурить. Все-таки три часа за рулем да с непривычки... Вроде бы и ничего особенного, а руки дрожат. И давайте договоримся, что эта дрожь порождена только лишь процессом вождения капризного «козлика», хорошо? Не будем углубляться в дебри.

Я облокотилась о пыльный капот «Нуэно», нимало не заботясь о чистоте штанов. Отряхнусь потом или тряпочкой пройдуся. Непромокаемой ткани-«мембранке» этого моего предназначенного для пеших походов и прочих экстремальных путешествий предмета туалета практически ничего не страшно. Хорошие штаны, снос у нет, и карманов много. Нашарила в набедренном пачку «Глаурунг-лайт» и с наслаждением закурила. Хорошо! Тишина-а... и лес вокруг. Мне на-

⁵ «Кто родом из Ирландии» – этот кельтский хит всех времен и народов в нашем мире можно услышать в исполнении группы «Дартс».

чинает нравиться эта командировка. Кто знает, может быть, именно теперь, оставшись наедине, мы и сумеем разобраться с этими неловкостями и недоговоренностями – и все наконец-то станет понятно, хорошо и *правильно*, как и подobaет между эльфами? Я мечтательно уставилась на просыпающийся весенний лес и улыбнулась. И вправду – славно. Покойно, тихо... только ветер поет в пока еще обнаженных ветвях, и песня эта, присутствующая на грани слышимости, навеивает нечто волшебное... зовущее... Обещание чудесной тайны и восхитительной загадки. Словно еле слышный теплый шепот за спиной, призывающий обернуться и закрыть глаза в предвкушении...

Стоп. Шепот? Я настороженно огляделась и прислушалась. Ничего. Лишь ветер и тонкое теньканье какой-то пичуги. А в мысле-поле? Ничего тоже... Ну-ка, а со щитами у меня нынче как? Да нет, порядок. Просто показалось. Спать надо больше, а пиво с дроу пить – меньше, иначе и не такое мерещиться начнет. Однако избавиться от тени ощущения, будто бы кто-то смотрит на меня равнодушным немигающим взглядом из переплетения кустарника и сухой травы у обочины, мне так и не удалось. Раздраженно передернув плечами, я убрала окурок в карманную пепельницу и пошла будить Эрина. В конце концов, мне тоже до смерти хочется уютно устроиться на переднем сиденье, накинуть на голову капюшон от штормовки, чтоб не напекло весенним солнышком и в глаза не светило, и – заснуть, заснуть... И видеть сны.

По идее тот, кто родился эльфом, должен восхищаться лесными видами: вековыми деревьями, густым подлеском, колоритными корягами, замшелыми пнями и прочими прелестями. Тем паче, что конкретный эльф в прошлом армейский разведчик и вырос отнюдь не в мегаполисе. Но, глядя на подступивший со всех сторон к дороге лес, Эрин не чувствовал никакого душевного подъема. Не нравился ему этот лес. Совсем. Чем-то необъяснимым с точки зрения обычных чувств. Деревья как деревья, кусты как кусты, а не хочется в него идти ни по работе, ни просто так – погулять. Гадский какой-то лес, если честно. Именно так мысленно нарек его Эринрандир, когда они уже въезжали в город. На фоне старых одноэтажных домиков окраины супер-новый, сверкающий нетускнеющей краской дорожный знак «Колдубинск» смотрелся как-то совсем неуместно. Корявая покосившаяся табличка с выжженными каленым железом рунами отражала бы суть городишки гораздо ярче и правдивее. Высокие заборы, крыши, лавочки, узкие тротуарчики вдоль проезжей дороги и отсутствие какой-либо жизнедеятельности населения. Несмотря на то, что на часах всего лишь начало четвертого по полудни, улицы пусты, словно поздним вечером.

Эрин созвонился с местным представителем НЧЧК, уточнил, куда ехать, и разбудил Нолвэндэ:

– Просыпайся, солнышко. Мы уже на месте.

Как известно, дневной сон в едущей машине не располагает к хорошему настроению, поэтому удивляться недовольному бурчанию девушки не стоило. Поймав на себе хмурый взгляд напарницы, Эрин, как не в чем ни бывало, послал ей воздушный поцелуй и подмигнул. Мол, не грусти, все не так уж и плохо, если разобраться.

Но, видимо, в воздухе Колдубинска присутствовал какой-то хмурый флюид, потому что гном-энчечекист, поджидавший гостей на площади возле здания местной администрации, выглядел, как точная копия мрачного товарища Шрака, только ниже ростом и с бородой. Его звали Зарин сын Иприта, и, разумеется, никакой радости от прибытия подмоги он не испытал, увидев всего двоих коллег из областного центра.

– И чего? Вас только двое? – первым делом спросил он.

– Добрый день, Зарин, – отвечал Эрин.

– Уже нет, – буркнул гном, но руку для пожатия протянул. – Здрав будь, ап-Телемнар. Ытхан там совсем охренел, да?

– Тебе меня мало?

Зарин недоверчиво покосился на Нолвэндэ, не скрывая досады:

– Мне бы сюда пару гоблинов и отряд ДОБРа в придачу,

а не девчонку-практикантку.

– Нолвэндэ Анарилотioni уже не практикантка, а штатный сотрудник, – заявил жестко эльф. – Дипломированный графомаг и мыслечтец. Чтоб понятно было.

– О!

Что подразумевалось под этим «О!», Эринрандир так и не понял. А по насупленной и крайне недовольной гномьей физиономии сложно прочитать обуревающие местного стража магического правопорядка чувства. Но с эльфийкой Зарин поздоровался вежливо.

– Ытхан обещал прислать группу, когда накопает что-то важное, – пообещал капитан ап-Телемнар. – Будет тебе кавалерия.

Зарин глухо матюгнулся, но вынужден был смириться с данностью.

– Если бы у Ытхана под носом творилось такое, как у нас, то тут бы уже все управление толпилось.

– А что тут творится? – спросила Нолвэндэ.

– Пятый труп сегодня утром нашли – вот что! Если, конечно, можно назвать ЭТО трупом.

Эринрандир сделал вид, что очень увлечен рытьем в своей дорожной сумке. Леди Анарилотioni не забудет попенять ему легкомысленным «ничего серьезного», сказанным этим утром. Надо срочно придумать достойную отмазку. Думай, ж-ж-ж... Эрин, думай!

– Ого! А Ытхан мне сказал – «убийство», – довольно лов-

ко изобразил удивление эльф. – А тут целая серия.

– Ну да! И послал мне не какого-нибудь Рамбо Сталони, а самого ап-Телемнара. Я орку четко сказал – у нас ма-
няк. Фиг его знает, что он там подумал. Небось, решил, что
я тут из мух-дрозофил делаю мамонтов-переростков, – раз-
обиделся гном. – Балрогов сын!

– Ладно, ладно, разберемся! – засуетился Эрин, чувствуя,
что своей маленькой ложью во спасение напарницы вот-вот
испортит отношения и с гномом, и с орком, и со столь нежно
хранимой эльфийкой. – Это я, наверное, неправильно его по-
нял. Остынь! Лучше посели нас поскорее куда-нибудь. Об-
щагу ведь еще не снесли?

– Куда она денется. Поехали.

* * *

Ага! Ага-а! Я знала! Я, балрог меня подери, догадывалась,
что тут дело нечисто! Вот ты и попался, благородный мой.
А засуетился-то как, смотрю и радуюсь. Ну ничего, сейчас я
ловить тебя на утреннем... лукавстве не буду. Приберегу для
лучших времен. Очень надеюсь, что не придется мне извле-
кать из рукава это секретное оружие, но боюсь, что тщетны
эти надежды. Что ж, посмотрим, что будет дальше. И что это
за «общага», в которую нас намереваются поселить.

Общежитие предназначалось для редких командировочных, практикантов и молодых специалистов единственного здешнего заводика. Располагалось оно буквально на соседней с центральной площадью улице в здании, представляющем большую историческую ценность, о чем свидетельствовала бронзовая табличка при входе. В прошлую эпоху здесь располагались торговые склады, конторы и конюшни. С тех пор конюшни переделали под столовую и по совместительству кафе, на месте склада теперь находился небольшой продуктовый магазинчик, а второй этаж был отведен под жилые комнаты. Красили историческое наследие еще в эпоху его строительства и расцвета Колдубинска, лестницы и деревянные перекрытия ремонтировали тогда же. Но в целом Эрину понравилось. В том смысле, что бывает и гораздо хуже. А что? Стены толстые (плюс вековые наслоения обоев), замки на дверях имеются (висячие), окна застекленные (почти все), туалет не на заднем дворе, а прямо на первом этаже устроен (типа – сортир), даже умывалка есть с двумя раковинами (крашенными в коричневый цвет масляной краской) – живи в свое удовольствие.

Конечно, первое впечатление сильно подпортила крыса.

Она заняла стратегический пост в дыре на полу коридора и с нескрываемым интересом наблюдала за делегацией новых поселенцев. Размером – с упитанного фокстерьера и выражение морды имела бандитское, но это лишь потому, что до сего дня не была знакома с лордом капитаном ап-Телемнар – очень крупным специалистом по охоте на обнаглевших крыс.

Администратор – пышнотелая дриада с традиционной прической-ракушкой шутливо топнула на зверюгу и была одарена в ответ лукавой ухмылкой во все четыре зуба.

– Мы еще встретимся, – вкрадчиво пообещал серой негодяйке Эрин.

– Ваша комната под номером три, товарищ ап-Телемнар, – сладострастно пропела Мелисса Флавоноидовна, и уже гораздо менее приторно добавила: – А у вашей напарницы – номер семь.

И тут Нолвэндэ громко и четко, чтобы слышали все, включая крысу и пасущуюся на газоне перед общежитием козу, сказала:

– Я тут не останусь!

* * *

Наверное, нет ничего удивительного в том, что мои смут-

ные подозрения, родившиеся при слове «общага», оправдались так быстро и так... полно. Хотя я не назвала бы это общагой. Даже «казарма» являлась для этого... заведения слишком высоким титулом. «Ночлежка» – так будет вернее всего.

Вопреки очевидному, вовсе не факт встречи с крысой оказался последней каплей. Нет, крыса, по здравому рассуждению, оказалась наименьшим из зол. А вот клопы, которых при такой антисанитарии наверняка тут полно... и жирные блестящие тараканы, неспешно марширующие по полу и стенам... Бр-р-р! Добил же меня санузел. Балрог вас всех сожри! Я не собираюсь мыть голову и... все остальное, что привыкла мыть ежедневно, в общем умывальнике. Нет, без таких подвигов во имя торжества справедливости я предпочла бы обойтись.

Не успело еще затихнуть эхо моих слов, не успел нахмуриться Эрин, расплыться в улыбочке дриада, и глумливо сморщить нос гном, как я уже повернулась к местному энчечекисту и поинтересовалась:

– Скажите, почтенный Зарин, в вашем славном городе наверняка ведь есть кто-нибудь, кто мог бы сдать комнату... или даже дом?

– Э... – ответил гном.

– Я уверена, что желающие найдутся. Естественно, не за счет управления. За наличные. Ну, так как?

– Леди Анарилотioni, вас что-то не устраивает? – опас-

но-вежливо осведомился напарник, отчаявшись, видимо, достучаться до меня мысленно. – Разумеется, это общежитие...

– Это не общежитие, – совсем не вежливо перебила я, – это – ночлежка. Я не вижу причин, по которым мне стоит кормить клопов, вылавливать из тарелки тараканов и спотыкаться по утрам о крыс.

– У нас нет тараканов! – фыркнула дриада.

– Правда? – я разозлилась окончательно. – В таком случае, это – их неупокоенные духи? Или бранные тела, оставшиеся без погребения? – и, пока дриада раздувала ноздри и подбирала ответ, решила добить противника: – Позвольте, моя дорогая, а у вас санитарная инспекция когда в последний раз была? А пожарная? Столь прискорбное невнимание соответствующих служб к проблемам периферии, несомненно, нелегко будет исправить, но я могу посодействовать, если желаете.

– Миледи, наш истопник, Пинофилло, может сдать вам жилье, – поспешно вклинился Зарин сын Иприта. – Один живет, а дом у него большой. Даже полдома сдаст, я думаю.

– Это далеко от управления?

– Пешком минут семь.

– Прекрасно. Благодарю вас, почтенный Зарин сын Иприта. Вы можете служить образцом любезности и заботы.

Тут Эринрандир, наконец-то, ко мне пробился.

«Какого балрога? Я же говорил, что Колдубинск – это ды-

ра. Ты ожидала увидеть здесь 5-тизвездочный отель?!»

«Ты говорил про общежитие, а я вижу свинарник с крысами и тараканами. Не понимаю, какой смысл в таких подвигах. И в свинарнике жить не согласна».

«Это – не подвиг, это – данность. Других апартamentов здесь нет. А в чужом доме я жить не буду»

«Лучшие в чужом, но чистом доме, в нормальных условиях, где на голову не падает штукатурка, и соседи за стенкой не шаркают, чем тут! Да что ты упрямилась, разорви тебя бешеный грифон! Разве я не права?»

«Нолвэндэ! – От его мысле-голоса отчетливо повеяло таким нехорошим холодком; я поневоле поежилась. – Я не упрямлюсь. Я не буду жить в чужом доме, спать в чужой постели, есть за чужим столом. Я лучше на улице заночую. Но тебя я понять могу. Поэтому выходов несколько. Либо ты остаешься здесь рядом со мной, либо возвращаешься обратно (машина в твоём распоряжении), либо делаешь, что пожелаешь»

«Моргот и все его твари! Мне следовало догадаться, к чему все эти разговоры о том, какая Колдубинск дыра. И ничего серьезного здесь не случилось, верно? Прекрасно. Я догадалась. Оставайся в этой помойке, если желаешь. Мы что, обязательно должны вместе жить? Может, хватит и того, что мы вместе работаем? Нет, не нужно отвечать. Все это не имеет отношения к делу. Я найду себе приличное жилище сама. Спокойное место, где мне, по крайней мере, удаст-

ся высыпаться. А ежели милорд предпочитает общество крыс, дриад и тараканов, то зачем же лишать милорда удовольствия?»

– Этот ваш истопник... – я повернулась к Зарину, давая понять напарнику, что разговор окончен, – можно отправиться к нему прямо сейчас?

– Конечно. – Гном пожал плечами.

– Отлично! Тогда я беру машину и... – я посмотрела на часы, прикидывая время, потребное мне для заселения, – скажем, через полчаса возвращаюсь в управление. Надеюсь, милорд, вы так же управитесь за это время?

– Управлюсь, – буркнул он, нехорошо щуря синий глаз.

– В таком случае, там и встретимся. Через полчаса. Счастливого оставаться.

И развернулась на пятках, не забыв мило улыбнуться возмущенной дриаде.

«Нам работать надо, так что не опаздывай», – мрачно подумал мне вслед Эрин.

Я дернула плечом.

«Не замечала за собой такой привычки».

«Напомнить – никогда не будет лишним».

Что за привычка оставлять за собой последнее слово, а?! Нет, это невозможно! Я же хотела, как лучше... в первую очередь, ему лучше! Балрог! Ну и пусть остается тут и милуется с этими крысами и дриадами, и неизвестно, кто из них лучше. Зараза. Ну почему, почему все опять так плохо?

– Обычно здесь у нас очень тихо, ну, разве что по выходным в кафешке устраивают танцы для молодежи. Музыка будет только до одиннадцати вечера, самое большее – до половины двенадцатого. В столовой кушать хорошо готовят. Я сама там не обедаю, но остальные наши постояльцы не жалуются. Вот, например, Липочка вчера говорила...

Администраторша болтала без остановки, совершенно не обращая внимания на то, что новый постоялец её не слушает. Крыса тоже вернулась на боевой пост в дырке и с наслаждением внимала дриадским трелям. Больше всего Эрину хотелось снять ботинок и швырнуть его в направлении источника звука. В кого-то непременно попадет – либо в тетку, либо в крысу.

Обстановка в комнате номер 3 отличалась крайним аскетизмом: кровать, тумбочка, шкаф и табуретка. Ночлежка! В чем-то Нол права. Но жить в чужом доме, где чужой запах, чужие вещи, и туда-сюда шастает посторонний мужик... Эрина передернуло. Лучше в ночлежке, казарме или чистом поле. И это принципиальная позиция.

– Сок у нас не принято разбавлять. А сметана такая жирная, что ложка стоямя стоит. А вы к нам надолго, товарищ...

ап-Телемнар? – полюбопытствовала Мелисса, окончательно исчерпав тему достижений местной кулинарии.

– Как получится, – буркнул эльф.

– Жаль, вы опоздали к празднику. У нас тут фейерверк был ну просто потрясающий. А скоро ведь Равноденствие. Будет так весело.

– Могу себе представить.

«Уже напраздновался», – мрачно подумал Эрин, прикуривая и затягиваясь дымом.

А ну-ка, шесть часов без сигареты! Так и уши опухнут.

В дороге следовательно не курил – сначала спал, потом не хотел мешать отдыхать Нолвэндэ.

– У нас в присутствии дам не курят, – проворковала дриада, с легкой укоризной в голосе.

– А в присутствии тотемного животного можно? – спросил энчечекист, кивнув на усатую бестию.

Мелисса Флавоноидовна неубедительно шикнула и даже сделала некое угрожающее движение, призванное продемонстрировать серьезность намерений. Но крыса на провокацию не поддавалась, лишь сменив позу на менее вальяжную.

– Перекрытия у нас старые, они могут загореться от случайной сигареты, – обиженно заявила администраторша. – Так что не курите, пожалуйста.

– Угу, – пожал плечами Эрин. – А так крысы съедят. И тараканы.

Серая тварь нагло ухмыльнулась.

– Ой! Совсем забыла! Я вам сейчас принесу постельку. Чистенькую, свеженькую! – восторженно воскликнула дриада.

– Несите, а то я сейчас уйду.

Дама кокетливо поправила причёску и весьма игривой походкой удалилась исполнять обещанное. А крыса осталась стоять глазки.

Но стоило Эрину потянуться за пистолетом в кобуре, как её словно ветром сдуло.

– Так-то лучше, – глухо рыкнул эльф.

А стрельнуть очень хотелось. Чтобы немного выпустить пар и перестать злиться. Вида капитан ап-Телемнар не подавал, но его просто трясло от негодования. Хотя и не только на девушку. На себя он тоже злился.

Признаться честно, выходка напарницы Эринрандира возмутила до крайности. Он ведь предупреждал, что Колдубинск не самое приятное место на свете. Более того, здесь нет ни бутиков, ни гостиниц, ни ванн-джакузи, к которым мыслечтица, должно быть, основательно привыкла в столицах. Избалованная девчонка!

«Стоп! – сказал себе энчечекист. – Кто у нас взрослый, опытный и выдержанный? Кому следовало бы проявить прославленную гибкость и умение находить компромисс? И кому вдруг приспичило изображать из себя тирана и деспота? Тебе, ап-Телемнар, и только тебе!»

Что же мы имеем в итоге? Пять трупов, нервного сына Иприта, леди Анарилотиони, исполненную презрения к

скромному быту провинции, продавленную койку в общежитии, излишне дружелюбную дриадку и наглую крысу. Не густо!

Глава 2

18 марта

Город Колдубинск, основан в 645 году Шестой Эпохи, население около 3,5 тысяч жителей. Самое крупное промышленное предприятие – фармацевтический завод по производству спиртосодержащих фитопрепаратов.

Так же широко представлено кустарное производство и народные промыслы.

– Здесь налево, леди... а вот теперь прямо, – командовал достойный сын Иприта, с очевидной тоской косясь на руль подпрыгивающего на колдубинских... колдобинах «Нуэно». – Все! Приехали. Вот этот дом.

– Мм... – протянула я, рассматривая сплошной двухметровый забор и выглядывающие из-за него голые ветви плодовых деревьев. – Тут есть сад? Хорошо.

– Дом у Карловича большой, – несколько не к месту продолжил гном. – Раньше в нем вообще две семьи жили, каждая на своей половине, а теперь вот Бурат один барствует.

– А прежние владельцы? – Я вылезла из машины и, задрав голову, разглядывала забавный флюгер-белочку над крышей.

– Уехали. – Зарин пожал плечами. – Это еще до меня было. Но Карлович – мужик хороший, мы с ним уж, почитай, лет пятнадцать знакомы..., а может, и все двадцать.

Обнадежив меня этим заявлением, энчечекист без стука отворил калитку (хм, и зачем ставить такой заборище, если калитка запирается на обычную щеколду?) и проник во двор, зычно выкликая хозяина:

– Бурат! Ты дома?

На зов гнома из-за угла вывернул... нос. Да-да, вы не ослышались, именно нос. Во всяком случае, именно на эту деталь облика будущего квартиро... хм... домосдатчика я обратила внимание в первую очередь, и воистину неэльфийских усилий мне стоило перестать глазеть и обозреть хозяина целиком.

Поддерживая наброшенный на плечи штопанный ватник и попирая садовыми калошами посыпанную щебнем дорожку, передо мной стоял пожилой леший. Нос его воистину был великолепен. Длинный и острый, он воинственно выдавался вперед, словно обломанный непогодой сук на стволе крепкого дуба. Для полноты образа не хватало только пары зеленых листочков. Впрочем, вместо юной поросли на носу располагались неожиданно изящные очки в тонкой позолоченной оправе. Очки из облика деда-лесовичка явно выбивались. Леший-истопник? Однако! О, Эру, сколь удивительны деяния твои! Трогательный длинный шарф в полосочку довершал картину.

– День добрый, Карлович, – гном обменялся с домовладельцем рукопожатием. – Вот, жилищу тебе привел. Командировочная к нам из области. Знакомься.

– Пинофилло, – церемонно поклонился обладатель выдающегося носа, – Бурат Карлович. Леший.

– Нолвэндэ Анарилотиони, лейтенант НЧЧК. Приятно познакомиться, Бурат Карлович.

– Дочка *тех самых* Анарилотиони, – сделав страшные глаза, трагическим шепотом известил лешего Зарин. Я сделала вид, что не расслышала.

– Какая честь, миледи! – Пинофилло шаркнул калошей по щебенке. – Чем могу служить?

– Оставьте это, сударь. – Я мило улыбнулась. – Право же, какие могут быть церемонии! Мне сказали, вы можете сдать жилье?

– О! – От полноты чувств зеленая с проседью борода лешего воинственно встопорщилась. – Разумеется! Половина дома в вашем полном распоряжении, миледи, если вас устроит. На какой срок вы желаете остановиться?

– На неделю или на две. – Я пожала плечами. – Там видно будет. Давайте теперь посмотрим дом, если вы не возражаете. У меня не так много времени.

Продолжая поражать меня светскостью своих манер, Пинофилло повел нас в дом. Я украдкой глянула на часы. Если процесс осмотра и заселения не ускорить сию же минуту, я рискую опоздать. Балрог!

– Беру! – решительно заявила я, бегло осмотрев предложенные апартаменты. Весьма и весьма неплохо. Две комнаты, нечто вроде прихожей, столовая, плавно переходящая в маленькую кухню, и веранда. Удобства во дворе, однако, в кухню подведена вода и имеется электрический водогрей.

– Отопление печное, – объяснил хозяин, – но вам, разумеется, не придется возиться с печью, леди. Я протапливаю дом каждое утро. Если захотите посидеть у огня, в большой комнате есть нечто вроде камина. Обе половины дома практически полностью изолированы, общая только веранда. Я надеюсь, что мое присутствие за стеной вас не побеспокоит...

– Ни в коей мере. – Я отмахнулась и забросила свой рюкзак на диван. – Да. Мне нравится. Я стану платить вам... скажем, десять древней в сутки. Согласны?

– Что вы, сударыня, – леший замахал руками, – мой долг, как сознательного гражданина, обеспечить достойные условия для доблестных сотрудников...

– Десять древней в сутки, – повторила я.

– Да, сударыня. Пожалуйста ключи.

– Благодарю. Всего хорошего, Бурат Карлович. Вряд ли мы с вами сегодня еще увидимся, ... полагаю, вернусь я поздно. Почтенный Зарин, едем?

– Да-да, конечно, едем! – обрадовался гном и чуть ли не вперед меня рванул к «Нуэно».

Уже сидя за рулем, я поинтересовалась у энчечекиста:

– Скажите, почтенный Зарин, этот ваш Пинофилло... Он,

верно, на пенсии?

– Угу, – гном кивнул.

– А прежде был?..

– Главным технологом на нашем заводе. А до этого, честно сказать, не знаю, чем он занимался. Бурат – приезжий, как и я.

– Понятно, – разрешив загадку необычайной для провинциального пенсионера светской любезности и дорогих очечков, я успокоилась и сосредоточилась на дороге.

* * *

За несколько лет, прошедших с момента последнего визита ап-Телемнара в славный и незабываемый Колдубинск, ничего здесь не изменилось. В центре площади по-прежнему стоял памятник народному герою Фреду Кругеру, свежесмытый от голубинового помета по случаю дня Святого Патрика. Отважный полурослик крепко сжимал в мозолистых руках вилы, грозя возмездием злобным недругам, притаившимся где-то за зданием магистрата. И хотя многие историки высказывали определенные сомнения относительно достоверности подвига Фреда Кругера, Эрину хватило одной прогулки по местным чащам, чтобы навсегда уверовать в подлинность истории о том, как храбрый хоббит заманил в

болота отряд назгулов-захватчиков. Там при желании можно утопить парочку хинтайских драконов. Монумент народному мстителю окружал чистенький скверик с лавочками, в глубине которого имелась открытая сцена для концертов самодельности. По правую руку от бронзового Кругера располагалась школа и детский садик, по левую – больница и кинотеатр. Хочешь не хочешь, а в центре городка сосредоточена вся общественная жизнь, и скоро каждая колдубинская собака будет знать командировочных эльфов в лицо и по имени, не говоря уже о том, какие пересуды вызовет цель их визита. По-хорошему, такое задание требовало от участников анонимности, но скажите на милость, как можно жить и работать инкогнито в крошечном провинциальном городишке, где все друг дружку знают с детства? Вот и Ытхан Нахырович не знал. Потому и направил в Колдубинск всего лишь двух следователей, один из которых – девушка самой невинной внешности. Чтобы не спугнуть хищника, охотящегося на магов.

Эрин прекрасно понимал, чем руководствовался начальник, когда выбирал их с Нолвэндэ, и это понимание энчекеисту отнюдь не льстило. Приятно думать, что орк считает их отличной командой и классными специалистами. В чем-то так оно и есть, но имеется и сакраментальное «но!». Эринрандир никогда не производил внушительного впечатления: надень узенькие очечки и костюм с галстуком – бизнесмен или политик, ни дать, ни взять. Это в камуфляже и

бронезилете он весь из себя воинственный, а в джинсиках и курточке – так, мальчишка на побегушках. А Нолвэндэ... Надо ли рассказывать, что эльфийские девушки весьма приятны на вид? Наверное, не стоит тратить время. Нужно очень сильно напрячь воображение, чтобы леди Анарилотиони начала внушать кому-то опасения за его безопасность. Хитрый Ытхан рассчитывал именно на подобный эффект.

Капитан ап-Телемнар не стал разочаровывать обывателей. Он небрежно растрепал волосы, приспустил солнцезащитные очки на кончик носа и, засунув руки в карманы, легкой походочкой, чуть ли не вприпрыжку, отправился на свое временное рабочее место.

По дороге ему встретились три кумушки-орчанки, стайка детишек разных рас, дедулька-леший, юная дриада в компании со своей мамашей, гном на мотоцикле с коляской и даже девушка-иномирянка. И все при виде незнакомого эльфа делали оч-ч-ч-чень круглые глаза и практически теряли дар речи, словно появление Перворожденного в Колдубинске считается предвестником близкого Рагнарёка. Даже гном-бухгалтер, если судить по атласным нарукавникам поверх наглаженной рубашки, куривший на крыльце магистрата, окинул Эрина потрясенным и растерянным взглядом.

Когда-то у ап-Телемнара была знакомая... хм... очень близкая знакомая, которая работала в Ревизионном управлении. Она любила открывать двери в кабинет начальника налоговой инспекции ногами и обязательно с криком: «Сво-

лочь! Взяточник! Я тебя выведу на чистую воду!». Так вот, она утверждала, что если во время проверки увидит за столом главного бухгалтера – гнома в нарукавниках, то недостача составит не меньше пятисот тысяч, а если гном еще и питается не в столовой, а приносимыми из дома котлетками в баночке, то речь идет как минимум о миллионе. И, надо сказать, близкая знакомая никогда не ошибалась в выводах.

Строптивая напарница явилась секунда в секунду, дабы утереть вредному шефу нос и посрамить его гордыню. Даже переодеться не успела. Ай-ай-ай.

– Давно ждешь? – спросил запыхавшийся Зарин, лязгая ключом в массивном запоре бронированных дверей.

Видимо, и его уморила беспокойная эльфийская дева.

– Не очень. Сам только что пришел, – ответил эльф невозмутимо.

Под отделение НЧЧК в администрации отвели две комнаты в цокольном этаже, на одну больше, чем участковому полицейскому. Вроде как поуважали товарища Зарина. Вот только в мрачном подвале, освещенном потрескивающими лампами дневного света, национальный подгорный колорит отсутствовал напрочь. Поставив себя на место несчастного гнома, Эрин помимо воли содрогнулся. А ведь было время, когда он всерьез подумывал о том, чтобы забиться в какой-нибудь Лопушанск или Ново-Эдораск. Хорошо, что друзья уговорили не делать резких движений и не хоронить себя заживо. А то бы сидел сейчас капитан ап-Телемнар в та-

ком же унылом подвальчике, честно зарабатывая хроническое утомление глаз, искривление позвоночника и алкогольный психоз. Благо, местный флагман фарминдустрии производил именно спиртовые настойки. К тому же еще эти толстые решетки внутренних дверей – точно в тюрьме. Тут можно с ума сойти и не заметить, как разговариваешь сам с собой.

Эрин уселся в кресло для посетителей, второе отдав в распоряжение Нолвэндэ. Хотелось закурить, но в таком тесном помещении эльф не решился устраивать фирменное тотальное задымление.

– Ну, рассказывай, что у вас тут происходит? – спросил он у хозяина кабинета.

– Срань какая-то... – буркнул гном и покосился на девушку. – Простите, мамзель, но по-другому не скажешь. Я уже не знаю, что и делать. Трупы есть, а улики нет, и подозреваемых тоже нет.

– Плохо, – согласился Эринрандир. – Продолжай.

Гном тяжело вздохнул и поведал о колдубинской действительности, где что ни день, то новый жмурик, все молчат, точно хинтайские мафиози, и даже доносов никто на соседей не пишет. Постепенно пред мысленным взором командировочных энчечекистов во всей красе предстала общая картина мрачных будней захолустного городишки, в котором происходят страшные и загадочные убийства. Вернее, не в самом городке, а в окрестных лесах, а если еще точнее, то в

чащах вдоль проселочной дороги, ведущей из Колдубинска в некое специфическое заведение, расположенное в 15 километрах к северу.

– МЛТП «Елочки», – с нескрываемым отвращением выдавил из себя Зарин.

Магический лечебно-трудовой профилакторий с инфантильно-игривым названием был известен всякому уважающему себя волшебнику, чародею, шаману и ворлоку, впрочем, как и остальные десять подобных учреждений. Призрак «Ёлочек» рано или поздно являлся пред каждым представителем магического сообщества, как грозное напоминание о том, что во всем надо знать меру. Уж куда проще, будучи могучим колдуном, вдруг уверовать во всемогущество волшебства, погрузиться в свой Дар целиком и оторваться от реальности настолько, чтобы встать на тропу утраты здоровья и разума. Сначала тебе ставят диагноз: синдром «башни из слоновой кости», потом – хроническую колдуманию, а там и до магического делирия недалеко. Того самого, который в народе называют – «синичкой». И тогда добро пожаловать в МЛТП.

Все жертвы колдубинского маньяка были магами, и, кроме наличия у них волшебного дара, ничего общего меж ними не оказалось. Разные расы, возраст, специализация, диагнозы.

– А разве пациентам МЛТП позволено самовольно покидать лечебное заведение? – поинтересовалась Нолвэндэ.

– Нет. Но в «Ёлочках» нет особых строгостей в режиме. Да и куда им ходить? Вокруг лес. Специально так сделали, чтобы тишина, покой, птички, свежий воздух, – заявил гном.

– А находили всех за территорией профилактория? – уточнил Эрин.

– Да, и даже в стороне от дороги. В самой чащобе, можно сказать, – вздохнул Зарин и потянулся за сигаретой, потом опомнился и нервно спрятал пачку подальше в ящик стола. – Когда пропал эльф, решили, что сбежал, отправили запрос по месту жительства и стали ждать результата. А тут возьми и найдись труп лешего. Дети случайно нашли. Тогда мы с егерями прочесали заросли и нашли эльфа. Когда же пропал орк, то сразу начали поиски. Главврач запретил все прогулки, но сирен все равно сбежал и погиб. Вчера вот приключилось такое с гоблином.

– С гоблином? – изумился ап-Телемнар.

– Вот! – вскричал гном. – А я тебе о чем? Если уже и на гоблина сыскалась управа, то пора кричать «Караул!»

И тут Эрин вынужден был согласиться с сыном Иприта. Чтобы справиться с магом гоблинской расы, пусть даже и не совсем здоровым, требуется не только могучее волшебство, но и огромная физическая сила.

– А тролли в Колдубинске живут?

Мысли Нолвэндэ, сокрытые за ментальными щитами, текли в похожем направлении.

– В том-то и дело, что нет у нас троллей. Ни единого.

– Хм...

Все гораздо серьезнее, чем представляется с первого взгляда, подумалось Эрину. Он и вообразить себе не мог кого-то, кто способен победить в схватке с товарищем Шраком. Все гоблины в большей или меньшей степени колдуны, но и в «Елочки» простые целители из районного фельдшерского пункта не попадают. Там лечатся отнюдь не слабые волшебники, иначе их не свела бы с ума собственная сила.

Капитан ап-Телемнар разрывался между желанием полистать дела убиенных магов и взглянуть на их бранные останки. Чаша весов склонилась к последнему.

– Хотелось бы сходить в морг.

– Да не вопрос, сейчас позвоню Шакире Кинконговне.

После чрезмерно долгого общения с солдафонкой Готзиллой у Эрина на гоблинш развилась аллергия. Ему проще было перетерпеть боль от ушиба, чем идти на лечение к бесцеремонной сизоликой нимфоманке, так и норовившей ущипнуть эльфа пониже спины. И ведь адекватно не ответишь. Не драться же с женщиной?

– Красота моя ненаглядная! – нежно промурлыкал гном. – Организуй мне прогулочку в морг... Да! Хотят на жмуриков полюбоваться. Ну, разумеется!.. Да! И я тебя!

Судя по звукам, доносящимся из трубки, сердечная подруга местного энчечекиста разговаривала басом и исключительно матом.

– Ты ж знаешь этих гоблинш, – смущенно хихикнул За-

рин.

Эрина пробрала нервная дрожь. Кто-кто, а он знал.

– Пойдем, нам откроют холодильник, – заторопился гном и с сомнением поглядел на эльфийку. – А может быть, леди останется и тут подождет?

– Леди пойдет с вами, – твердо заверила Нол энчечекиста.

«И горчатку не забудь», – довольно ядовито подумал Эринрандир.

* * *

Нет, ну каков гад, а? После того, как направленная мысль напарника насчет пресловутой горчатки (а ведь знала же, знала, что рано или поздно он мне припомнит тот злополучный первый день!) ядовитой сколопендрой просочилась сквозь мои тщательно выстроенные щиты, вовсе даже не папино знаменитое хладнокровие помогло мне сохранить лицо и удержало от... адекватного ответа. Все значительно банальней: я просто онемела и растерялась от неожиданности и обиды. Балрог! Ну, как он может теперь меня этим попрекать?! А давайте я сейчас вам тоже кое-что напомним, милорд, а?! Например, как вы изволили ввалиться на квартиру к одинокой девушке в состоянии пьяного безобразия?

Тьфу! Если я отказалась жить в ночлежке, то теперь уже

снова та овца гламурная, какой он меня считал поначалу? Значит, чтоб сохранить хотя бы видимость уважения этого... этого! — я должна теперь спать в мусорном бачке в обнимку с крысами и перестать по утрам мыться и чистить зубы, дабы показать всем свою неприхотливость? Проклятье, значит все предыдущие похвалы и поощрения были всего-навсего подачками? Нечто вроде: на, поиграйся, деточка! Уси-пуси... А теперь и уси, и пуси кончились. Он меня не только не любит, я ему еще и как напарница не нужна. Вот так, значит? Ну и... Моргот с тобой, м... милорд орденосный. Если ты так, то я тогда... А что я могу ответить? А ничего! И это будет, на самом деле, лучшим из ответов.

Я так и сделала. Не ответила ничего, ни мыслью, ни взглядом, словно и не слышала. Можешь издеваться, сколько угодно. Ничего, кроме вежливой холодной доброжелательности ты в ответ не получишь, так и знай. А я еще извиниться хотела за свою грубость в общежитие! Дура ушастая. Нужны ему твои извинения.

Все, отныне хватит соплей. Работать и работать, пока пар из ушей не пойдет. Надо закончить это дело как можно быстрее и так, чтоб не получилось такого конфуза, как тогда с Мэйной. А потом — рапорт на стол Ытхану и... к Вражьей бабушке! И плевать, что на следующий же день я взвою, а через неделю — застрелюсь от тоски. Так, наверное, только лучше будет. Для всех.

То ли принятое решение меня удовлетворило, то ли про-

хладные своды прозекторской остудили мой пыл, но в морг я спустилась такой спокойной, что могла бы потягаться хладнокровием с обитателями местного холодильника. И никакая горчатка мне была, естественно, уже не нужна.

* * *

К величайшему облегчению капитана ап-Телемнара, Шакира Кинконговна оказалась... как бы это сказать... гномо-сексуалкой. То бишь увлекалась исключительно гномами, а на мужчин остальных рас взирала равнодушно. А почему бы и нет, собственно? Зарин по меркам своего народа считался мужчиной в самом соку, представительным, внушительным и даже очень привлекательным. Окладистая борода вороной масти, могучее телосложение и крупные мужественные черты лица сразили, должно быть, гоблиншу наповал. Потому что Шакира не только встретила гостей на входе в больницу, но и лично сопровождала их в морг. Причем, в отличие от Готзиллы, вела себя сдержанно и даже скромно, что для гоблинских женщин нехарактерно. Смачный поцелуй, предназначенный достойному Зарину, не считается, при виде объекта страсти гоблины сдерживать эмоции не в силах.

– Обычно холодильник пустует, – пояснила Шакира работу всего двух лампочек из десяти. – Но раз такое дело...

А дело было весьма ужасающего свойства. Откровенно говоря, эльф и гоблин смотрелись относительно неплохо. Молодому сородичу просто свернули шею.

– Голову на 180 градусов повернули – лицом за спину, – пояснил Зарин.

«Морвэйн ап-Ворондэ, чародей-иллюзионист, 107 лет, не женат, диагноз: хроническая колдумания 2 стадии, – почитал в персональном досье энчечекист, внимательно разглядывая черную от кровоизлияния шею мертвеца. – Причина смерти – перелом шейного отдела позвоночника. Имеются также множественные переломы и разрывы внутренних органов».

На первый взгляд гоблина Крах-Трест Империяловича выкрутили, словно мокрую тряпку, в двух противоположных направлениях, настолько причудливо выглядели очертания его тела.

– Ах, горе какое, – вздохнула Шакира гулким басом. – Ни одной целой косточки не осталось. Бедненький.

По мнению Эрина, «бедненьким» стоило называть орка, которого кто-то неаккуратно обглодал с разных сторон. Кто-то прожорливый, с когтями и маленькими, но острыми зубками. Может, звери какие-нибудь? Эльф осторожно покосился на Нолвэндэ. Вроде бы не сильно побледнела и в обморок не собирается падать.

«Нол, ты бы не смотрела лишний раз на такое», – мысленно попросил следователь.

В ответ – тишина.

Специально она отгородилась, чтобы подавить эмоции, или обиделась, Эринрандир так и не понял. Вроде бы обижаться на него пока было не за что.

– А теперь самое захватывающее, – объявил гном и расстегнул застёжку-молнию на следующем мешке.

Внутри лежало нечто плоское и мало напоминающее тело. Вообразите себе надувную игрушку, из которой выпустили воздух. Что-то похожее осталось от Василька Хироновича Синего – крупного мага-теоретика, подорвавшего здоровье на ниве поисков формулы Абсолютного Разума. То, что леший оказался в МЛТП, Эрина как раз не сильно удивило. По большому счету, две трети энчечекистов следовало поддерживать в «Ёлочках» хотя бы пару недель, начиная с самого ап-Телемнара. Но, наверное, из всех волшебных рас именно лешие подвержены особой заикленности на своих научных изысканиях. На приснопамятных собраниях-ДПД именно выступления Кипариса Кверкусовича из аналитического отдела вызывали у Эрина прилив жесточайшего отвращения.

Напротив, сирены и наяды, при всем своем жизненном пессимизме, умудрялись очень редко попадать в профилактику, разве только, если речь шла о суицидальных попытках. Сирен может нить с утра до вечера, но на себя руки не наложит даже тогда, когда эльф на самом деле полезет в петлю. Такая вот устойчивая психика у прирожденных скулежников и плакс, что и говорить.

Коралл Пеленгасович сохранился лучше, чем Василек, но

и на него смотреть было жутковато. Убийца оставил одну только оболочку, неведомым способом растворив и высосав из несчастного сирена все внутренности, включая кости.

– Точно муху паук, – очень точно подметила Нолвэндэ.

– Может, в ваших лесах сказочные шелобы завелись?

– Эрин, да мы с лесниками всю округу исходили – нету никаких шелобов. Ни больших, ни маленьких, ни мальчиков, ни девочек, – простонал в отчаянии гном.

– Ну, а как же все это возможно осуществить на практике – растворить ткани и вытянуть все соки?

– Может, колдовство какое? – встречно спросил Зарин.

Из уст профессионального борца с мажеством и нежностью вопрос звучал несколько издевательски.

– Не исключено, – буркнул Эрин.

То, что всех пятерых убили разными способами, ему совершенно не понравилось. Для серийного маньяка такое поведение не характерно. Серия, кроме всего прочего, подразумевает под собой схожие способы и орудие убийства. Например, Де-Садиков сначала выкачивал магические силы, потом душил всех жертв руками, а потом насиловал. Причем раса женщины его не интересовала совсем. А тут три разновидности убийства, разный возраст и раса, одно общее – все маги и пациенты МЛТП. Возможно, между покойниками существует некая связь, и речь идет все же не о маньяке, а о группе мстителей? Один душил, другой натравливает животных, а третий... пользуется паучьими технологиями. М-да... При-

дется основательно покопаться в прошлом мертвых магов, а так же в их медицинских картах, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть версию о групповом преступлении.

– А из местных никто не пропадал? – любопытствовал ап-Телемнар.

– Нет. Все вроде на месте. Даже скотина не терялась, – заверил его гном.

– Чудненько.

Можно себе только вообразить, какая начнется паника, если пострадает кто-то из аборигенов. Колдубинцы и так живут довольно замкнутой общиной, а так вообще к ним и с оружием не подступишься.

Эрин сам не обратил внимания, что в процессе раздумий продолжал рассматривать мертвецов и при этом тихонько мурлыкал себе под нос: «Мне уже многое поздно, мне уже многим не стать...» ныне позабытой дриады-менестрельки Юкки Лозины. «Вот мне и стало „за триста“, самое время мечтать...» При этом у энчечекиста на лице было такое благодное выражение, словно пред его эльфийским взором открылись редкостные и дивные красоты, а не отвратительные куски мертвой плоти.

Гном и гоблинша обменялись красноречивыми взглядами. Мол, эльф и сам маньяк из маньяков. Нолвэндэ отвернулась и в ментальном плане представляла собой сверкающую глыбу льда, скованную лютым морозом. С чего бы это?

«Нол, ты себя плохо чувствуешь?» – осторожно спросил

Эрин и, не дождавшись ответа, сказал вслух:

– Все. Спасибо за сотрудничество, Шакира Кинконговна. Мы уходим.

* * *

Я, наверное, все-таки ненормальная. Точно. Правда, я не всегда такой была, глобальная перемена в сознании настигла меня совсем недавно. Вот прямо сейчас, в морге, в тот момент, когда я осознала, что вид изуродованных тел не просто оставляет меня равнодушной безо всяких дополнительных «народных» средств, но еще и... успокаивает. Скажем так, приводит в чувство. Попроситься, что ли, к Роину в ассистентки сразу по приезду обратно? Будем на пару ковыряться среди развороченных кишок его милых безответных «пациентов», симпатичных мне прежде всего тем, что они – *молчат*. Честно и спокойно молчат, а не пытаются сперва оскорбить, потом заставить усомниться в собственной профпригодности, а затем еще и назойливо пролезть в голову с неуместными и глупыми «утешениями»! Балрог! «Ты бы не смотрела лишний раз»! А сам чуть ли не с ботинками на покойников залез, да еще и напевает! Тьфу! Нет, так я точно никакой пользы делу не принесу. Лучше сниму-ка я все это... великолепие, благо, моя любимая «трубка» все еще

жива и со мной.

А все-таки, что все эти несчастные искали в лесу? Что или кого? И кто или что в итоге нашло их? Надо было Ытхану выбить для нас еще и аниматора, тогда бы многое прояснилось. Жаль, что оба штатных сотрудника сейчас недоступны – и вдвойне жаль, что я не в состоянии их заменить, как бы мне этого ни хотелось.

Жертв объединяет место последнего их пребывания и профессия, только это. Ну, и место гибели, естественно. Надо тщательно осмотреть лес... может быть, мне удастся считать ментальный фон каких-нибудь местных белок, или кто там еще водится? Для дождевых червей и муравьев вроде бы рановато пока, не сезон. Сомнительно, конечно, но вдруг сработает... Да, и с протоколами неплохо бы посидеть хотя бы пару-тройку часов. Тис зеленый! Были бы мы дома, тогда я спокойно смогла бы оттащить папку с материалами к себе, и засесть на кухне с чашкой свежего кофе, покуривая и подпевая солистке «Элеватора», мурлыкающей в ноуте под нежные переливы флейты и арфы... Но здесь, в незнакомом городке, на съемной территории, этот номер не пройдет. Придется либо окопаться в энчечекистском подвале, либо... а больше и вариантов, собственно, нет. Жаль.

Если бы некий упрямый, как пиндостанский ишак, орденосный рыцарь не изволил оставить меня в одиночестве, предпочитая общество дриад и крыс хоть сомнительному, но комфорту, я бы рискнула взять работу на дом. Один спит,

второй сторожит – у нас могло бы получиться. Но из-за его глупого упрямства...

* * *

«Чувствую, дело будет захватывающим. Хотя и не самым простым. Как думаешь, солнышко, у нас получится? Справимся сами, или придется вызывать группу?»

Вопрос предназначался сосредоточенно молчавшей напарнице. Слишком уж демонстративно она изображала равнодушие.

– Надо бы посидеть над протоколами осмотра места преступления, – сказал Эрин, заранее предвидя недовольство местного энчекекиста. – Мы бы с Нол еще немного поработали.

В провинции никто после окончания рабочего дня не засиживается, не принято это. Вот и сын Иприта многозначительно поглядел на свои часы. Шакира нахмурилась. По всей видимости, у этой парочки имелись свои планы на вечер. Эх, бывает же такая жизнь: после работы спокойно идти на свидание, точно зная, что впереди свободный вечер, который можно провести с любимой девушкой.

– Дал бы девушке на новом месте обустроиться, – проворчал Зарин. – Завтра будет целый день для плодотворной

работы. Вы же только приехали, полдня в дороге. Да и помыться не мешало бы. Лучше лечь раньше, отоспаться, отдохнуть, – вещал гном, обстоятельно загибая пальцы при перечислении добрых и полезных дел.

– Оставь ключ, я закрою, – настаивал эльф. – Когда буду уходить. Или не доверяешь?

– Эрин, кувалдой тебя по ушам! – взорвался Зарин. – У нас ночами никто не работает. У нас ночами спят и трахаются. Через двадцать минут магистрат закроют и повесят на двери замок. Хочешь всю ночь просидеть в подвале?

– Не хочу.

– Тогда иди отдыхать. Или вот с леди прогуляйся, чистым воздушком подыши, мозги проветри. Оба аж зеленые, – искренне посоветовал гном.

Хронический трудоголизм взывал явить миру чудеса самопожертвования и профессиональной доблести, желудок, напротив – воздать ему должное в виде тарелки супа, слипающиеся глаза жаждали отдыха, а спина молила о горизонтальном положении. И Эринрандир сдался на милость победителей.

– Ладно. Сегодня отдыхаем... Так и быть. Тогда я провожу Нолвэндэ...

– В этом нет никакой необходимости, – отчеканила напарница. – Тут недалеко, и я прекрасно запомнила дорогу. Машина мне тоже не нужна.

Она в самых любезных выражениях попрощалась с гно-

мом и его пассивностью, пообещала завтра не опаздывать, и, одарив своего слегка ошарашенного начальника светским наклоном головы, гордо удалилась.

«Солнышко, ты чего?» – изумился Эрин и снова остался без какого-либо ответа.

Он решил, что девушка, назло ему не съев горчатики, чтобы доказать свою устойчивость к виду и запаху трупов, теперь чувствует себя плохо. Вот ведь упрямщица! Ну, подумаешь, напомнил о первом дне службы в НЧЧК, так верное народное средство еще никому не навредило. Чего теперь дуться?

– Зарин, этот ваш истопник... ему доверять-то хоть можно? – беспокойно спросил эльф, глядя вслед надменной де-
ве. – Она там в безопасности?

– Да, вполне, – заверил его гном. – Нормальный мужик.

– Молодой?

– Хы-хы, – понимающе усмехнулся энчечекист. – Скорее пожилой. Не переживай, ап-Телемнар, приставать к твоей принцессе никто не будет. Да она и сама сможет за себя постоять.

На том и распрощались. Зарин быстренько подхватил под руку злоющую от затянувшегося ожидания Шакиру и заторопился прочь. Они собрались в кино на двухсерийную хиндустанскую мелодраму из жизни тамошних орков и эльфов. Кажется, «Танцорку живота».

Делать было нечего. Только возвращаться в общагу.

«С-солнышко»! Эру великий, опять это морготово «солнышко»! Снова! Ну что за подлость судьбы! Только-только я смогла отрешиться от эмоций и сосредоточилась на работе, как этот шпороносец умудрился одним-единственным словом – да не словом даже, а мыслью! – сбить мне к вражьей бабушке всю настройку! Балрог! Если я еще раз услышу это гадское «солнышко» из его уст – или из его мыслей, что, в принципе, даже хуже! – я его пристрелю. Нет, лучше скажу братьям – и пусть они разбираются. Нет. Еще лучше! Я на-traвлю на него маминого племенного Упыря... Хотя нельзя, бедная скотина подавится. Аргх! Нет! Я сделаю совсем хорошо. Я выбью из дроу телефончик незабвенной Груши Солончак, изготовлю и торжественно вручу ей дубликат ключей от квартиры этого... милорда и подброшу ему бутылку коньяка со снотворным. Да. Наутро сам застрелится. Ха!

Занятая кровожадными мыслями о страшной мести, я как-то совсем упустила из виду свое недавнее стойкое желание по приезду обратно в город тотчас же уволиться. Вот еще баловаться. Не успела прижиться – и сразу обратно, под мамино крылышко? Не дождется! Он еще узнает, что такое месть нолдор!

Ох, кажется, я увлеклась... *Мой* напарник в объятиях ба-
рышни Солончак – это как-то слишком жестоко. Нет, так не
пойдет. И потом – кто сказал, что это будет так уж плохо для
него, а? Может быть, он уже сейчас... вот прямо сейчас на-
слаждается местным цветником, по очереди или сразу. Зря
я отдала ему машину. В багажнике осталась канистра с бен-
зином и, неведомо для каких целей там припасенная, цепная
пила «Меллон»...

Яркое и объемное видение – полыхающая ночлежка, этот
парник порока и теплица разврата, с криками выбегающие
из объятых пламенем дверей лесные девы – и я, с хищно во-
ющей бензопилой в руках... Тьфу! Причудится же такое!

... а в багажнике, кстати, еще и топор лежит, хороший,
хоббитский...

Все, Нолвэндэ, прекращай. У тебя уже сейчас есть шан-
сы отобрать у колдубинского маньяка пальму (тьфу ты!) пер-
венства. Сейчас дойду до своего временного пристанища,
съем какой-нибудь бутерброд из прихваченных дома запа-
сов, выпью кофе и займусь делом. Например, фотографии на
жесткий диск с телефона солью.

* * *

Припарковав машину на площадке рядом с общежити-

ем, Эрин первым делом отправился в столовую. Ему до рези в животе хотелось есть. И даже яичница на сале – единственное блюдо в сегодняшнем меню, эльфий желудок ничуть не смутила. Принеся двойную порцию восхитительно пахнущего яства, стройная и длинноногая дриада-буфетчица в накрахмаленном фартучке в качестве бесплатного десерта продемонстрировала Эринрандиру пейзаж в глубоком вырезе декольте, а так же доверительно поведала, что зовут её Софора, и нынешним вечером она совершенно свободна во всех отношениях.

От «десерта» Эрин не отказался (а какой мужчина пренебрежет зрелищем весьма недурственных округлостей?), представляться ему не было никакой необходимости (администраторша уже просветила всех желающих насчет личности постояльца), а на вечер у него имелись несколько иные планы (помыться и спать).

Софора нисколько не обиделась, и, видимо, не поверила в моральную стойкость заезжего молодца. Что и говорить, по части видимых невооруженным глазом достоинств она могла дать фору даже Груше Солончак. Нет, правда! Честное слово!

«Сюда бы Вузеллина!» – ухмыльнулся Эрин и попросил у буфетчицы чего-нибудь запить ужин. Но к превеликому сожалению, ничего крепче 2 % кефира в её арсенале не оказалось. Даже пива! Нет, разумеется, напиваться капитан ап-Телемнар не хотел, но и от бутылочки какой-нибудь слабо-

алкогольной гадости не отказался бы.

И только покинув гостеприимную обитель красоты Софоры, эльф оценил масштабы постигшего его бедствия. Со всех сторон из густеющих сумерек к историческому наследию Колдубинска сбредалась юная девичья поросль. Самые храбрые заняли ключевые посты внутри холла и терпеливо поджидали командировочного энчечекиста там, чинно рассевшись на подоконниках. Специально, чтобы эльф мог по достоинству оценить длину их ног и смелость нарядов. И верно, от обилия коленок, обнаженных пупков, обтянутых тоненькими майками девичьих персей и влажно блестящих губ Эрину стало... страшно. Хищные взоры местных страстоцветов сулили ему множество неприятнейших мгновений, начиная от излишнего внимания и заканчивая покушением на честь. Эльф отчаянно пожалел об отсутствии опергруппы или хотя бы одного Вузеллина. Вот кому здесь раздолье! Темноэльфийский воин нашел бы применение каждой. Кому перепал бы шлепок по попке, кому – многозначительный чмок в нежную щечку, кому – горячий поцелуй, а кому и жаркие объятия, и ни одна не ушла бы обиженной.

Проскользнув мимо строя прекрасных лесных дочерей, Эрин поспешил в свой номер, и только пресловутая эльфийская невозмутимость позволила ему не заливаться краской смущения под раздевающими донага взглядами обольстительного подлеса.

На всякий случай забаррикадировавшись в умывалке, Эринрандир попытался помыться. Сделать это оказалось сложнее, чем представлялось изначально. Дело даже не в полнейшем отсутствии горячей воды (эка невидаль!), а в том, что и холодная текла тоненькой унылой струйкой, и прежде, чем в раковине набралось достаточное количество воды, Эрин замерз до гоблинской синевы. А ну-ка, голому в неотапливаемом помещении, стоя босыми ногами на кафельном полу. Свидетелями того, как он, подпрыгивая на месте и шипя сквозь зубы, обливался ледяной водой из гнутаго ковшика, стала небольшая орда тараканов, но их внимание все же показалось энчечекисту предпочтительнее дриадского.

Вот если говорить откровенно, то в жизни Эринрандира ап-Телемнара были моменты, когда белокурые головы случайных подруг регулярно украшали его нагое плечо. Уже попав под крыло к чуткому Ытхану Нахыровичу, бывший лучший, но опальный все свободное от работы время посвящал опустошению окрестных баров, отрываясь от бутылки только затем, чтобы пасть в объятия очередной девушки с цветочным именем. Хотя были не только дриады, хватало и более экзотических приключений.

Не забылись еще утренние побудки, когда голова болит, во рту гадость, пить хочется смертельно, глаза заплыли до тоненьких щелочек, телефон разрывается (Ытхан ищет), а рядом недовольно верещит совершенно незнакомая девуш-

ка, чье имя никто и не собирался запоминать («цветочек» или «малышка» вполне подойдут для любой). А ты – скрюченный, голый и ничего толком не соображающий – пытаешься одновременно: не умереть от похмелья, ответить на звонок, одеться и выставить ночную гостью за дверь.

К слову, просто пить оказалось гораздо менее накладно, чем пить и блудить. У бутылки с утра не было никаких претензий, она не строила планов на совместное будущее и не звонила Ытхану жаловаться на бесстыжего эльфа, разбившего ей сердце. А, кроме того, бутылку можно сдать в пункт приема, выручив средства для приобретения новой.

Как хорошо, что теперь в жизни лорда капитана все иначе. Если бы еще гордая дочь знаменитой грифонолетчицы меньше дулась непонятно по какой причине и не сбегала в дом к незнакомому старому лешему, то вообще бы нечего больше желать. Отсутствие напарницы в прямой досягаемости Эрина очень нервировало. Оказывается, привык, что Нол рядом, привык настолько, что готов даже к совместному просмотру «Семи Урукхайев» (в седьмой раз), без единой мысли о чем-то недозволенном.

Легкомысленно списав дурное настроение Нолвэндэ на ряд случайных факторов, как то: утомительную дорогу, общее неприятное впечатление от Колдубинска и общежития, вид жертв в неуютной атмосфере покойницкой и отказ от горчатки, капитан ап-Телемнар решил, что завтра все изменится к лучшему. Они начнут работать, времени на капри-

зы и расстройство не останется, а там, глядишь, Нол надоест слушать нудные морали в исполнении старикашки-лешего, и она вернется... и не будет злиться... и вообще все будет хорошо...

Он сам не заметил, как заснул. Спокойный, уверенный и почти счастливый. Растворились в благих намерениях все планы по самоустранению из жизни леди Анарилотиони (врага лысого Эрин от неё откажется по доброй воле!), и сон, словно теплый весенний ветер, унес прочь смутные сомнения лорда капитана ап-Телемнара – бывшего разведчика, настоящего рыцаря, стража порядка и просто влюбленного мужчины (пафосно, да).

* * *

Раскладывание моих немногочисленных пожитков по стульям и полкам заняло совсем немного времени. Покончив с этим, я с удовольствием воспользовалась местными благами цивилизации и совершила несколько поспешное, с оглядкой, но, безусловно, приятное после тяжелого дня омовение над выдвинутым из-под умывальника баком. Все-таки горячая вода – это прекрасно! Накинув старую аркову рубашку поверх футболки, я почувствовала себя почти совсем как дома. Славно. Теперь надо перекусить, выпить кофе и заняться

делом. А! Еще неплохо бы выяснить у хозяина, где тут можно покурить. Как раз с этой целью я и выползла на веранду, где и обнаружила домовладельца в компании большого «ведерного» самовара и красочного дриадского еженедельника «Наш сад».

– Миледи! – Бурат Карлович обрадовался мне, как родной. – Окажите милость, не побрезгуйте... Чайку? Как раз поспел.

– Было бы неплохо... – в сомнениях протянула я. С одной стороны, мне не терпелось уединиться с ноутбуком и фотографиями, а с другой – колоритный дедушка-леший вполне мог просветить меня насчет местных слухов, да и вообще, вежливый гость не станет обижать хозяина отказом от угощения. Да и чаю мне хотелось. А когда радушный леший выставил на стол несколько баночек с медом, я растаяла окончательно. И, конечно, согласилась.

Мед у него был нескольких сортов, темный и светлый, тягучий, наполненный солнцем и запахами лета. Лесной, цветочный и липовый. А еще – редкое лакомство! – даже вересковый мед у него был. Красота!

– Откуда? – восхищенно спросила я, отведав всего понемногу.

– Пчелки у меня, – смущенно похвастался Пинофилло. – Угощайтесь, угощайтесь, миледи!

За чаем время полетело незаметно. Вскоре я уже была полностью в курсе всех мало-мальски важных событий в

Колдубинске за последние пару лет, сочувственно выслушала немного грустную историю жизни славного старика и, разумеется, не упустила случая тихонько почитать его.

Старый леший был открыт и прозрачен, словно весенний лесной ручей. Он лучился искренностью и теплом, грелся в лучах общения и был безоговорочно счастлив оттого, что у него наконец-то появилась компания. Одиному пенсионеру просто был необходим хоть кто-то, готовый его выслушать... От нестерпимого, пронзительного одиночества бодрящегося и славного Бурата Карловича у меня перехватило дыхание, а на глаза навернулись слезы сочувствия. Надо ли говорить о том, какой жгучий стыд я испытала от собственных беспочвенных подозрений в адрес этого милого лешего? Проклятье, старик ко мне со всей душой, а я ему тайные проверки устраиваю! Вот она, профессиональная мыслечтицкая паранойя – пагубное воздействие пилотки с кокардой на мозг. И тлетворное влияние некоего прославленного и орденоносного рыцаря на сознание. Я потупилась и аккуратно покинула мысли Пинофилло, чувствуя, как горит на лбу теперь уже несмываемое клеймо: «энчечекистка». Ну как я могу подозревать каждого встречного? Позор. Так нельзя. Вот и Эрина тоже постоянно подозреваю во всех грехах, от соращения и использования служебного положения в низменных целях до изощренного плана по моему устранению. Стыдно, как же стыдно! Надо с этим что-то делать, что-то в себе менять – и срочно. Да.

Пока я читала сама себе морали, Бурат Карлович засуетился и, в конце концов, достал из ящика стола старенькую глиняную пепельницу.

– Зарин сказал, вы курите, миледи. Вы закуривайте, если хочется, ничего страшного. Если хотите, даже в комнатах.

– Нет, ну что вы... – Я смутилась окончательно. – Как можно! Вы потом дом не сможете проветрить! Нет-нет, только здесь, на веранде, если позволите... а лучше я вообще на улицу выходить буду.

– Если открывать окно, то нет необходимости куда-то выходить.

– Ох, ну если вас и в самом деле не слишком это побеспокоит... – Я радостно достала пачку и зажигалку. – Ужасная привычка, но при нашей работе, Бурат Карлович... – и, недоговорив, виновато пожала плечами.

– Да-да, я понимаю, – леший вздохнул. – Вы знаете, миледи, когда я работал главным технологом на нашем заводе, тоже смолил одну за другой. А теперь вот отвык. Да и возраст уже...

– Вы попали под сокращение? – сочувственно поинтересовалась я.

Пинофилло слегка поморщился.

– Не совсем. Директор у нас новый пришел, Миха Барабос, молодой да ушлый, ну, и привел всех своих... «Старую гвардию» буквально за год вывели подчистую. Чем уж не угодили мы ему, то ли лицами не вышли, то ли возрастом...

А мне как раз пенсия подошла, вот Миха меня и... ушел. А на мое место жену свою нанял, Маху.

– И вы сдались? – поразилась я. – Это же кумовство! Это противозаконно, вообще-то. Бурат Карлович, вы вполне могли обратиться в суд и, несомненно, выиграли бы дело.

– Ну что вы, Нолочка! – всплеснул руками леший. – Ой! Можно вас так называть, миледи? Простите, я оговорился...

– Ничего-ничего, – успокоила старика я. – Называйте, конечно же. Я, наоборот, неудобно себя чувствую от всех этих «миледи», правда.

– А... – Пинофилло улыбнулся. – Благодарю. Так о чем я? А, Миха! Ну что вы, какой суд? У Барабоса все суды вот где, – и дед показал мне зажатый кулак. – Да и вообще – он молодой, здоровый, и парней у него трое – лбы здоровенные. Такие медведи вымахали! А я... ну, вы ж сами видите, Нолочка, какой из меня боец за правду?

– И все равно – это вопиющий случай! – я нахмурилась. – Бурат Карлович, подумайте, может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь? Вы ведь не от хорошей жизни дом сдаете, и работать пошли. За давностью лет на предприятии вас, конечно, уже не восстановят, но, по крайней мере, денежную компенсацию из них выбить можно! Подумайте, Бурат Карлович. Я ведь серьезно.

– И я серьезно, Нолочка. – Леший вздохнул. – Не связывайтесь вы с Барабосом. Он ведь оборотень, знаете ли. В медведя перекидывается. А вы – девушка молодая, хрупкая...

– Я – лейтенант НЧЧК, – сурово напомнила я. – Уверяю вас, Бурат Карлович, я служу в достаточно серьезной организации. А внешность бывает обманчива. Так что подумайте еще раз. А я пока проверю этого вашего Миху Барабоса.

– Ох, я, старый дурак! – Леший сокрушенно помотал головой. – Ну, зачем ляпнул? Вот что, миледи, забудьте вы, что я вам тут наплел. Да и поздно уже, вам отдыхать надо, а я вас заговорил тут совсем, пенек трухлявый.

– Отдохнуть мне некогда. – Я улыбнулась. – С вашими делами разве отдохнешь! Нет, Бурат Карлович, я еще работать буду. И не переживайте вы так, вовсе вы меня не заговорили! Наоборот, очень хорошо посидели. Вы не стесняйтесь, если чем-нибудь помочь надо, говорите сразу, договорились?

– Договорились. – Старик закивал. – Конечно же. Вы – такая славная девушка, миледи, такая отзывчивая...

– Ой, вы меня перехвалите! – Я чуть покраснела и улыбнулась.

– Нет-нет, ничего подобного! Очень, очень славная девушка! Милая, вежливая. Знаете, сразу видно, что вы из хорошей семьи. Тутошним девкам не чета. И одеты так скромно, не то, что наши хабалки, – все это Пинофилло говорил, уже стоя в дверях. – Ну, все, все, ухожу. Отдыхайте, Нолочка. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Бурат Карлович, – откликнулась я и тоже вышла с веранды, взяв с собой пепельницу.

Я постояла немного на крыльце, полюбовалась на круп-

ную россыпь звезд над головой, выкурила еще сигарету и недовольно хмыкнула. Старик заблуждается на мой счет. Скромная, милая... Как же! Полоумная истеричка и неженка. И ревнивая дура к тому же. А еще – влюбленная идиотка, откровенно наплевавшая на собственную работу, слишком занятая разбором своих расстроенных чувств. Хватит. Меня ждут мои фотографии и трупы.

Чтоб не искушать саму себя возможностью курить и курить, пока дым из ушей не повалит, пепельницу и сигареты я оставила на крыльце. Захочу – выползу сюда, не переломлюсь. Не хватало еще деду весь дом продымить, и в самом-то деле!

Ночь проходила мимо абсолютно непродуктивно. Я вертела скачанные с телефона трупьи фотографии и так, и сяк, то увеличивала, то добавляла резкости, вглядывалась в них до рези в глазах и головокружения, но ничего, совершенно ничего не находила. Ни одного, даже мизерного, подтверждения смутному и тревожному ощущению, что мы упускаем что-то очень важное. Нечто неуловимое никак не давалось в руки. Что-то было здесь, определенно, было, но поймать это «что-то» за хвост у меня не получалось. Проклятье. Если бы Эрин был рядом, может быть, вдвоем мы бы и нащупали ту нить, которую я почуяла. Но Эрин дрыхнет где-то там, в этой своей общаге, и хорошо, если один. А то ведь может и с крысой в обнимку... или с этой, как ее... Мелис-

сой. Очень уж плотоядно они его разглядывали, обе, с одинаковым огнем в глазах. И ничего удивительного. Мой напарник, на самом-то деле, потрясающе красивый мужчина, благородный, умный... упертый и нечуткий трудоголик, упрямый, словно сотня хиндустанских мумаков! Бесстыжая синеглазая с-скотина. Собственник. Нолвэндэ, туда! Нолвэндэ, сюда! Нолвэндэ, куда ты пошла? Где ты была? С кем ты обедала? Почему не предупредила, что идешь в тир с Меноваззином? Тьфу. То ли нянька, то ли надсмотрщик, то ли вообще балрог-знает-кто. Рабовладелец! Меня даже братья так не пасли в свое время, как этот муд...рый эльф. Спору нет, мне приятно, когда обо мне заботятся и тревожатся, но – Моргот и все его твари! – должны же быть границы у его заботы! Я не ребенок и не слабоумная. Если даже моя властная мать-командирша сочла меня достаточно взрослой, чтобы отпустить из родительского гнезда, то какого же балрога лысого... Не обольщайтесь, леди, он вас не любит. Если бы любил хоть немножко, то не давил бы так... бесцеремонно. Так что не раскатывайте губу, леди Анарилотиони-младшая, ничего вам с ним не светит. Вот так-то, моя дорогая зажавшаяся гордая дева. Варите кофе по утрам и почтительно внимайте, терпите бесконечные «солнышки» и поцелуи украдкой, и тогда, может быть, вам позволят носить за ним тапочки и спать на коврике, да. Вы слишком неудобная особа, благородная леди Нолвэндэ, чтобы с вами можно было закрутить бурный служебный романчик. А серьезных отно-

шений... боюсь, этого мне ожидать бессмысленно. Слишком уж явно он дал мне понять, что не считает меня равной. И как бы я ни старалась, выше головы я все равно не прыгну. Тем более, выше его головы, хоть я и ненамного ниже его ростом.

Так. Опять отвлеклась.

Я досадливо фыркнула и выключила ноутбук. Начала с трупов, закончила, как всегда, капитаном лордом ап-Телемнармом. Надо будет как-нибудь попробовать раскрутить мысленную цепочку наоборот. Любопытно, если я начну день с мыслей о капитане и лорде, приведет ли меня это к какому-нибудь существенному результату в отношении трупов, а?

При таком настроении, в общем-то, не слишком удивительно, что помянутый к ночи, точнее, уже под утро, упрямый и непонятный милорд мне еще и приснился. Слава Эру, в одетом виде. Созерцать эротические кошмары с Эринрандиром ап-Телемнармом в главной роли – это как-то уж слишком... волнующе. Мне и обычного кошмара вполне хватило, спасибо большое. Не-эротического.

Во сне я бродила по темному, местами затянутому паутиной лабиринту, полному зловещих шорохов и скрежетов, и пыталась найти выход, но за каждым поворотом и выступом натыкалась на преграждающего мне путь напарника. «Солнышко, – с какой-то непередаваемой интонацией восклицал он и протягивал ко мне руки: – Солнышко, ты чего? Куда

же ты?» Я пятилась, влипая в паутину и обдирая локти о какие-то каменистые выступы, разворачивалась, безнадежно сворачивала в другой коридор – а там снова был он. И снова было «солнышко»! Круг за кругом, поворот за поворотом – опять он, снова он, повсюду он! Это не эльф, это толпа. Его много. Его, балрог подери, слишком много. Он везде. Куда бы я не сунулась, постоянно на него натыкаюсь. Это еще не тюрьма, но это уже ловушка. «Попалась! – звенело в голове. – Теперь ты уже никуда не денешься, никуда...» Все. Тупик. Я чуть слышно зарычала и принялась долбиться головой в стену, надеясь, видимо, хоть так пробить себе путь на волю. «Солнышко! – радостный возглас за спиной. – Вот ты где!» – Балрог! – взвыла я и шарахнула лбом об стенку со всей дури...

И проснулась. Да уж, чего-чего, а дури во мне много.

Дрожащими руками ощупывая лоб, я обнаружила там крупные капли холодного пота. Ох-х... приснится же такое... Посмотрела на часы. Здорово. Половина четвертого утра. Может быть, мне вообще постараться не засыпать больше? А?

Но глаза уже закрывались сами собой, и сон, словно темная вода, накрыл меня с головой.

Но на этот раз омут видений оказался теплым... теплым, словно парное молоко, словно нагретая солнцем земля меж корнями старых сосен, на песчаном склоне... Радостно окунувшись в лето и пронизанный светом лес, я поплыла ку-

да-то, не слишком печалюсь о том, что не знаю дороги...

Глава 3

19 марта

Впервые за несколько лет Эрин проснулся на рассвете не от истошного вопля будильника, а сам по себе. Вот что значит накануне лечь спать трезвым и гораздо раньше полуночи, именно лечь, а не свалиться без задних ног на диван, с трудом содрав с себя верхнюю одежду. Кто бы мог подумать?

Солнце победно затопило номер эльфа золотым сиянием, не сдерживаемое тонкими шторками из бледного ситчика в мелкий полупрозрачный цветочек, перешитых из древних застиранных простыней и пододеяльников. И вместе с Эрином приходу нового дня радовалась толстая крыса, развалившаяся по центру комнаты и самозабвенно принимающая солнечные ванны.

– По-моему, это – верх наглости, – сказал эльф, спуская ноги на пол. – Ты что себе позволяешь, тварь?

Крыса нехотя приоткрыла глаза. Мол, это еще неизвестно, кто тут и что может себе позволить. Понаехали тут!

А надо было промолчать, тогда молниеносный бросок тяжелой ботинком достиг бы своей цели – размазал хвостатую хамку по неровному линолеуму феерически оранжевого цвета. А так крыса успела заметить движение и угадать намерения.

«Фи! Ботинком в девушку?! А еще шпоры надел!» – крайне возмущенно дернула она хвостом и ускакала куда-то под шкаф.

Но и без шпор, рыцарских цепи и меча, Эрин чувствовал в это утро себя совершенно непобедимым. Ведь за всю зиму он не допустил ни одного серьезного прокола, если не считать обидного и позорного поражения в деле Мэйны-Индульгенции. Кто ж знал, что крошечного пробела в доказательной базе хватит ведьме-иномирянке, чтобы выскользнуть из рук правосудия практически на законных основаниях. И даже последовавшее следом «возмездие» в отношении преступницы ничуть не утешило капитана ап-Телемнара. Он устроил бдительность, побив попутно все рекорды занудства в следовании букве закона, но с тех пор убийцы-расчленители, ву-дуисты, сатанисты, сетевики и прочие друиды, попавшиеся в прицел Эринова «Куталиона», все как один отправились в места не столь отдаленные, а кое-кто так и вовсе ре-портирован обратно в свой мир. И хотя колдубинская история эльфа-следователя совершенно не радовала, он все равно искренне верил, что и на этот раз удача не повернется к нему спиной. Надо лишь полностью сосредоточиться на работе, смотреть в оба, чтить закон и думать головой. И все у них с Нолвэндэ получится!

«Все будет хорошо», – твердил как заклинание Эринрандир, пока курил, сидя на подоконнике, и потом, когда под восхищенными взглядами Мелиссы Флавоноидовны и

незнакомой, но поразительно красивой дриады, шел мыться в одном лишь широком полотенце, обернутом вокруг чресл. И даже когда лишь ударом кирпича, подпиравшего дверь изнутри, удалось выдавить из трубы порцию холодной и мутной воды, эльф не переставал повторять волшебные слова. Всё просто обязано выйти идеально. Куда он денется, этот маньяк-магоненавистник, если за дело взялись лорд ап-Телемнар и леди Анарилотииони, верно?

Порция позитивного мышления, которую Эрин так самоабвенно культивировал все утро, помогла ему пережить не только звонок от Ытхана Нахыровича и последовавший за ним разбор полетов, но также знакомство с Липочкой Пальмер. И если злобный орк ограничился обещанием оторвать уши «шибко умному гаду, наплетшему невесть что достойному сыну Иприта», то первая красавица Колдубинска и окрестностей отняла у Эринрандира больше времени, чем кто-либо из дриад до неё.

– Доброе утро, – поздоровалась она, как бы случайно перегораживая полуголому эльфу дорогу в номер. – Не можете мне отнести все это кладовку? – и тут же вручила ему гигантскую стопку толстых покрывал.

И не хотелось, а пришлось помогать. Больше всего Эрин боялся, что полотенце свалится с его задницы. Ему только скандала тут не хватало. Но к счастью, покрывала были спрятаны в кладовку, полотенце удержалось на бедрах, а Эрин сумел увильнуть от разговора о достопримечательностях Кол-

дубинска. Но, пока он домчался до своей комнаты, ему все же довелось узнать, что Липа Пальмер – студентка-заочница и помогает тетушке Мелиссе в её трудном, но благородном деле, а еще рисует пейзажи, танцует хиндустанские танцы лотоса, учит эльфийский синдарин, и зимой ездила на экскурсию в Столицу. По понятным причинам от завтрака под присмотром роскошногрудой Софоры тоже пришлось вежливо отказаться. Даже одной дриады с раннего утра для ранимой Эриновой психики было многовато.

Сигарета, энергетик, шоколадный батончик и еще одна сигарета – вот и весь завтрак. И можно начинать работать.

Зарин подждал эльфа на крыльце магистрата и, судя по его настроению, Ытхан Нахырович приложил все усилия, чтобы к следователю из области гном испытывал самые теплые чувства. А ведь орк редко когда откажется наговорить гадостей с три короба. Видно, на Ытхана давят сверху, и он не хочет осложнять Эрину жизнь и расследование.

– Привет! Хорошо, что догадался взять машину, – молвил гном, придерживая на горле поднятый ворот куртки.

Шакира Кинконговна украсила шею возлюбленного россыпью багровых засосов. Страстная дама, однако.

– За кого ты меня принимаешь? Мы же собирались ехать на место преступления. Жаль, забыл вчера спросить у Нолвэндэ адрес... заехал бы...

– А вот и она. Сама пришла.

Зарин помахал рукой эльфийке.

– Пунктуальная, – похвалил девушку гном. – Повезло тебе с напарницей – симпатичная, умная, самодостаточная. А мне вечно каких-то бестолковых лодырей присылают, – пожаловался он.

Спорить с пронизательным сыном Иприта Эрин не стал. Он бы еще добавил «красивая... очень красивая, талантливая, инициативная, исполнительная... любимая и... единственная», но промолчал.

– Доброе утро, Нол. Как настроение?

– Доброе, доброе – ответствовала девушка, одаривая энчечекистов светской улыбкой, но глядя при этом почему-то исключительно на гнома.

Определенно, ночь, если и пошла эльфийской деве на пользу, то это было незаметно. Бледновата она, и глаза припухли. Интересно, это оттого, что устала накануне, или не так уж хорошо живется в доме у лешего? В любом случае, обратно в общежитие упрямую дочь грифонолетчицы не затанешь и на аркане. Но Эрин уже не расстраивался. Главное, чтобы напарница была довольна и перестала злиться.

– О! Наша леди и сегодня по-королевски пунктуальна! – воскликнул Зарин и лукаво подмигнул: – А на новом месте жених приснился невесте?

«Что же она ответит?» – подумал эльф.

– Приснился, – всеми силами стремясь удержаться от нервной дрожи, ответствовала я бестактному гному. – Вернее сказать, приснились. Целых пятеро, и все – записные красавцы. Едем, господа?

Господа не возражали. Загрузившись на заднее сидение «Нуэно» за компанию с почтенным Зарином, я села так прямо, как только смогла – все ради того, чтоб ненароком не прислониться к чему-нибудь и позорно не вырубиться. «Дай-те солдату точку опоры...» – как говаривает матушка. В общем, да, я бы не сказала пока, что здоровый деревенский воздух пошел мне на пользу. Я абсолютно не выпалась. Мало того, что засиделась чуть ли не до утра, непродуктивно рассматривая фотографии жертв, так еще и в постели потом крутилась, как червяк на сковородке. Кошмар с участием некого синеглазого рыцаря оказался самым безобидным из сюрпризов, что преподнес мне мир сновидений. Смутные и прекрасные грезы, полные шелестом деревьев и пением ветра в переплетении солнечных струн, к сожалению, не способствовали улучшению моего настроения. С утра я чувствовала себя чем-то вроде останков несчастного сирена. Пустая сдувшаяся оболочка. Ни сил, ни желания что-либо делать... а на одной только гордости я долго не продержусь.

Варить кофе с утра на незнакомой кухне я не стала, опасаясь потерять на этом драгоценное время и опоздать. Рассудив, что даже в Колдубинске может найтись круглосуточное кафе, я, в общем-то, почти не ошиблась. Кафе, и верно, нашлось. Почти прямо напротив здания магистрата, на автовокзале. А вот про обслуживание и, в особенности, про меня, наверное, лучше промолчать. Дело кончилось тем, что в ближайшем же ларьке я купила себе шоколадку, йогурт и большую банку энергетика – и употребила добычу, присев неподалеку на лавочку в сквере. Утренняя сигарета тоже, вроде бы, отчасти примирила меня с действительностью. Во всяком случае, теперь мне уже не так сильно хотелось открыть стрельбу в ответ на каждый громкий звук и резкое движение. Так что к подъехавшей к управлению машине я подошла уже практически вменяемой. Однако один лишь взгляд, брошенный на сияющее и свежее лицо шефа, вновь приблизил меня к опасной грани. Он выглядел возмутительно довольным и выспавшимся и невероятно, несправедливо красивым. Такое ощущение, что его... обихаживали всей дриадской диаспорой, точнее, ее женской частью. Я почувствовала, как буквально серею от иррациональной, абсолютно нелогичной ревности и злости. Почему? О, не спрашивайте! Наверное, причина всего этого крылась в том, что я сама упустила возможность... скажем так, стеречь... хм... ну, или блюсти его, ну, не целомудрие, конечно, но – неприкосновенность. Я осознала это и устыдилась своих сумбурных

чувств. Он же не моя собственность, верно? К несчастью, да. Даже если бы у меня был хоть призрачный шанс когда-либо получить некие права на вмешательство в его жизнь, я не стала бы их реализовывать. Рабство, равно как и рабовладение, мне глубоко претит. Интересно, почему же я тогда так бешусь?

О, а я действительно бесилась! И бестактное замечание гнома мое бешенство только усугубило. Отвратительно! Как можно позволять себе такие намеки в отношении девушки из приличного семейства? Впрочем, возможно, Зарин просто не совсем четко представляет себе, насколько строги обязаны быть моральные рамки и устои? Пожалуй, мне стоит его просветить... а, заодно уж, и не только его. Прекрасный повод объяснить мою реакцию на инцидент в клубе, если кто-то умеет понимать намеки.

– Боюсь, почтенный Зарин, что в отношении меня эта поговорка вряд ли может оправдаться, – продолжила я начатый гномом разговор. – Видите ли, если рассуждать о женихах, то неловко даже предположить, чтобы мне мог привидеться кто-то, еще не представленный моей семье и не получивший ее одобрения. Подобного рода кандидат, прежде чем являться мне во снах, безусловно, должен будет удовлетворить требования моих родителей. Без их согласия я просто не посмею развивать какие-либо серьезные отношения.

– Ого! – воскликнул сын Иприта, смешно надувая щеки. –

А сильмариллы в придачу они, часом, не требуют, ваши благородные родители? Или в наше время это уже не модно?

– Вы напрасно иронизируете, сударь, – чопорно обронила я, незаметно покосившись на истинного адресата моей маленькой лекции. – Я не нахожу ничего смешного в верности традициям и нормам морали.

– Миледи, но ведь вы говорите о браке.

– А вы разве не это имели в виду? – Мои брови сами собой поползли вверх. – Позвольте, а что же еще, кроме брака, можно подразумевать, говоря об отношениях?

– Э-э... – Похоже, мой собеседник слегка растерялся. – Ну... встречи... увлечения, секс, в конце концов. На дворе Седьмая Эпоха, леди! А вы рассуждаете так, словно родились, как минимум, в Первую!

– Увлечения, секс? – Я поморщилась. – Вы подразумеваете так называемые случайные связи, да? Нет, это никоим образом невозможно. Я бы никогда не посмела так огорчить моих дорогих родителей, предать их доверие... Это было бы ужасно. К счастью, то, что миледи моя матушка спокойно отнеслась к моей работе вдали от дома, говорит о том, что родители вполне уверены в моем благоразумии. Разумеется, если... когда... я встречу того, кто, возможно, станет моим спутником отныне и навеки, я представлю его семье и, уверена, получу их одобрение.

– В наше время! – Гном фыркнул. – Леди, вы точно росли не в монастыре?

– Я – единственная дочь в семье, – я пожала плечами. – Естественно, мои братья позволяют себе больше вольностей, но ведь и репутацию юношей сплетни об их... победах скорее украшают. То, что в отношении братьев воспринимается как удаль, в моем случае будет названо распущенностью. И я считаю, что это правильно. А время... Уверяю вас, времена всегда одинаковы. В конце концов, если мне самой не удастся встретить... хм..., тогда я могу предоставить выбор родителям. Разумеется, это будет не лучшим выходом, но никто же не запрещает мне сказать «нет».

– Даже так? – Зарина прямо-таки распирало. Ну да, наверное, все это очень смешно звучит. Но ведь это действительно так! И, если на минутку забыть о моем «страшном бунте» против вековых традиций в постели с белокурым тильвит тегом, я старалась не отступать от этих норм. На поверку, кстати, выяснилось, что мое кратковременное увлечение ничего, кроме долгой депрессии и ощущения собственного падения, за собой не повлекло. Но это был весьма поучительный опыт, во всех смыслах.

– Именно. – Я смягчила свою речь улыбкой и доверительно призналась гному. – Знаете, из семнадцати поколений моих предков только дважды союзы распадались. Прапрапрадедушка по папиной линии развелся с женой, а прапрабабушка по линии мамы зарубила своего неверного мужа в поединке. И мне кажется, что это достойные примеры для нас, потомков.

– Так вы, леди, значит, бережетесь для суженого? – Гном подмигнул.

– Скажем так, сударь, в свете всего уже сказанного... я не вижу смысла размениваться по мелочам. – Я холодно улыбнулась и отвернулась к окну, давая понять, что лекция окончена.

* * *

Если бы не взгляды, которые Зарин сын Иприта бросал на сидевшего за рулем Эрина через зеркало заднего вида, то эльф бы отнесся к нравоучительному монологу Нолвэндэ гораздо более серьезно. Но гном строил такие уморительные рожи, что Эринрандиру едва удавалось сдерживать смех. В особо патетических местах гном пучил глаза и раздувал щеки. Гномьи понятия о приличиях не включали в себя моральную оценку половой жизни взрослых. Если любишь, значит, спишь с предметом желаний. Все просто и незатейливо, как обработка металла давлением. А уж про «одобрям-с» со стороны родни речи вообще не шло. Генетику и эндокринологию еще никто не отменял. Да-с!

Лучшее, что мог сделать Эрин в сложившихся условиях, это сделать вид, что целиком увлечен трудностями дороги и промолчать. К тому же состояние транспортной ар-

терии, связывающей МЛТП и Колдубинск, действительно оставляло желать лучшего. Бедняжку «Нуэно» подбрасывало на каждой рытвине, а из-за паршивого гидроусилителя руля управление машиной требовало немалой физической силы.

К тому же, по обеим сторонам дороги стеной стоял Гадский лес: угрюмый, таинственный тревожный, жуткий. Лес, где неосторожным путникам сворачивают шеи, отгрызают всякие выступающие детали и высасывают до состояния пустого бурдюка. Даже солнечное утро и весенний непокой существенно не улучшали общего впечатления. С центральной площади Колдубинска казалось, что окружающие его пологие холмы накрыты огромной темной шкурой. И в этой шкуре водились очень опасные блохи.

Сложно себе даже вообразить, что могло заставить пациентов МЛТП отправиться гулять по местным чащобам в самое отвратительное и малопривлекательное время года – в январе, феврале и начале марта. Но почему-то же совсем не слабые маги пяти разных рас оторвались от умиротворяюще-отрезвляющих собеседований с маго-психологами, отбросили в сторону разноцветные конвертики, в циклопических масштабах производимые на сеансах трудотерапии; позвал их в Гадский лес чей-то зов, оказавшийся сильнее целебного гипнотического внушения. Были ли они знакомы в обыденной жизни вне лечебницы и связаны общими интересами? Или оказались случайными жертвами тайного магонез-

навистника?

– Приехали. Тут остановись, – заявил Зарин, указывая на пышный куст лещины, на голых веточках которого до сих пор висела ядовито-зеленая лента с надписью «Осторожно! Место преступления!»

– Лешего нашли прямо за этим кустом, – пояснил гном.

Эрин открыл папку с делом Василька Синего. Так и есть. Фотографии прилагались, и на них было видно, что тело... вернее сказать – оболочку успел аккуратненько присыпать снежок. Если бы не колдубинские сорванцы, то быть бы Васильку – «подснежником», как пить дать.

Разумеется, после исчезновения двух пациентов МЛТП руководство лечебницы забило тревогу, но какое-то время убийца мог наслаждаться вседозволенностью. Ведь все вокруг пребывали в уверенности, что не совсем здоровые маги просто-напросто сбежали из профилактория. Никто не усиливал охрану, никто не предупреждал несчастных об опасности.

– А где лежал Морвэйн ап-Ворондэ? – спросила Нол.

Эрин предоставил напарнице право принять активное участие в расследовании. А что? До сих пор Нолвэндэ справлялась со всеми заданиями.

– Далековато отсюда. Примерно в двадцати минутах ходьбы, – честно предупредил гном и махнул рукой в западном направлении.

– А остальные? – продолжала расспрашивать девушка, и видя, что Зарин замешкался, добавила: – Ну, примерно хотя

бы. Ближе к городу или дальше?

– Ближе. Определенно, ближе.

«Молодец! – подумалось эльфу. – Правильно догадалась. Это означает, что все направлялись в Колдубинск. Своего рода вектор движения»

Ведь если бы маги действительно ударились в бега, то куда уж проще выйти на трассу и уехать автостопом в любом интересующем направлении. Эринрандир глянул на карту. Так и есть – до трассы в половину ближе, чем до города. Стало быть, все пятеро шли в Колдубинск. Зачем? Причем, точно зная, что отчаянно рискуют, особенно, последний. Тот, который гоблин. Ускользнул ведь, обманул охрану, через забор перелез (судя по отчету и собранным вещественным доказательствам) и был таков. Дьявольщина какая-то.

К чести Зарина, места преступления были исследованы досконально, тщательно протоколированы, и придраться не к чему. В общем-то, они с Нолвэндэ тут не для того, чтобы перепроверять работу гнома, а чтобы взглянуть на дело свежим взглядом и попытаться найти неуловимую до сих пор логику. Ытхан любил делать неожиданные ходы, а Эрин его в этом нестандартном стремлении целиком поддерживал.

– Тогда пойдемте поглядим.

Никто спорить не стал. Напротив, Эрину от бодрого шага и запаха прелой листвы даже лучше думалось. Он мгновенно вообразил себя покойным ап-Ворондэ, представил, как тот бредет ночью через заснеженный лес: снег идет, холод-

но, мороз крепчает, а до Колдубинска еще далеко. В протоколе было четко сказано: последний раз Морвэйна видели прямо перед отбоем в 22.00. Сейчас середина марта, и то в этом лесу хорошего мало. А в разгар зимы? Очень неуютно, прямо-таки отвратительно. Энчечекиста невольно пробрал озноб. Богатое воображение довольно часто играло с Эрином весьма злые шутки. До фантастической впечатлительности гоблинов ап-Телемнару, конечно, далеко, но и того, что есть, хватит для обострения всех фобий, параной и мелких психозов. Стоило чуть-чуть пофантазировать, и вот уже померк весенний день, и очень хочется резко обернуться на странные шорохи за спиной. Чудится, будто кто-то тяжело дышит в затылок и примеривается к твоей обнаженной шее. Должно быть, это очень больно, когда откручивают голову. Что-то тут не так, что-то это все напоминает... Вот только что?

Неимоверным усилием воли Эрин отогнал призраков Гадского леса, потер затекшую и намозоленную зловещими взглядами шею и приказал себе думать о чем-то хорошем. О... Нолвэндэ, например. Хотя тут и приказа не нужно. Вот она решительно марширует чуть впереди; аккуратно заплетенная, волосок к волоску, коса хлопает между лопатками. Стройная, подтянутая, спортивная... и страшно чем-то недовольная. Напарница так показательно отгородилась от всех ментальными щитами, что Эринрандир и не пытался обращаться к ней мысленно. В конце концов, она – взрослая

самостоятельная девушка, если что-то не так – может сказать прямо. А если молчит, значит, не хочет делиться. Её право.

Что сделаешь, если они находятся сегодня в полнейшей противофазе? Начальство – радуется жизни, а подчиненная – культивирует чисто нолдорский характер.

А кроме того, пока Нол предается пламенному гневу своих темпераментных предков, можно ею просто полюбоваться. Например, длинными ножками, которые в течение всей зимы были главным предметом обсуждения у мужского контингента НЧЧК. В кои-то веки капитан ап-Телемнар стал объектом здоровой зависти, как счастливец, имеющий возможность лицезреть стройные конечности напарницы, как в рабочей, так и в приватной обстановке. Эринрандир на соратников не обижался, успешно отшучиваясь, а в глубине души надеясь на скорую возможность сменить чисто зрительные впечатления от ног Нолвэндэ на тактильные. Собственно говоря, он бы не отказался познакомиться ближе и с остальными деталями её анатомии. И тут, совершенно некстати, припомнился Эрину день их первого знакомства, и собственные размышлизмы о кое-чьих ножках на его плечах. В переносном смысле, конечно, но как здорово было бы сделать это на самом деле. От эротико-акробатических фантазий энчечекиста отвлек отчетливый скрежет зубов. Он поторопился нагнать девушку. Вдруг у неё что-то случилось? Оступилась или еще что-то.

– Солнышко, у тебя все в порядке? – тихо спросил он,

осторожно придержав напарницу под локоток. – Сол...

И осекся под пылающим взглядом наследницы кровожадных нолдор.

* * *

Скажу честно – мне этот лес почему-то нравился. То ли я сейчас как раз попадала в нужное настроение, то ли проснулась от прогулки по свежему воздуху – не знаю. Но никаких негативных чувств я к месту преступления не испытывала. Хороший лес. Он же не виноват, что тут завелась такая дрянь, которая сворачивает шеи? Я бы с удовольствием погуляла тут в одиночестве, желательно в сумерках. Возможно, меня бы это... успокоило. Я вообще в лесу успокаиваюсь и расслабляюсь, избавляясь от оков условности и тому подобной шелухи. Совершенно некстати вдруг вспомнился последний наш поход с братьями по более-менее диким предгорьям Моррийского хребта. После заброски на точку (на грифонах, конечно, но я стерпела) – целых две недели неспешной прогулки, ночных посиделок у костра и пересечения вброд шустрых холодных речек – проклятье, да бывает ли отдых лучше? Право же, очень жаль, что здесь, на новом моем месте жительства, мне банально не с кем куда-то выехать... Благородный милорд рыцарь не производит впе-

чатления любителя активного отдыха. Видимо, ему глубоко чужды такие вещи – вон как помрачнел, едва в лес попал. Конечно, это не в душном зале торчат, тупо уставившись на экран с дурацкой комедией. Тьфу!

Впрочем, кто мне мешает выбраться на природу в одиночку, а? Надо бы добыть хорошую карту и попросить маму прислать мне снарягу... а может, и сама куплю по случаю.

Видение одинокой ночевки у излучины реки, искр, взлетающих к небу, и предутреннего тумана было настолько ярким и заманчивым, что я тоскливо вздохнула. Ничего, ближе к лету я найду, чем занять свободные дни. Дожить бы еще до этого лета...

Впрочем, было и кое-что, чем мне лес не понравился. Он молчал. Молчал, как орк на допросе! Я, конечно, не такой уж большой специалист в плане считывания ментального фона с подобных объектов, но даже моих скромных способностей хватало, чтобы понять – что-то здесь нечисто. Не то, чтобы я всерьез рассчитывала допросить муравьев или птичек, но все же... Определенные... не мысле-образы, нет, но что-то подобное... всегда присутствует в природе. На уровне ощущений, внезапных озарений и, если повезет, то даже картинок. Но только не здесь. Единственное, что мне удавалось почуять – это страх, тяжелым плотным покрывалом лежащий на несколько километров окрест (а дальше я просто не доставала). Страх и молчание, усиливающиеся по мере того, как мы приближались к месту гибели несчастного Морвэй-

на. Однако попыток я не оставляла и сосредоточенно пыталась уловить хоть что-нибудь... Разумеется, присутствие рядом двоих коллег изрядно мне мешало. Оба фонили, в ментальном плане представляя собой нечто вроде чадающих факелов или даже горящих бочек с бензином. Пытаться почувствовать за всем этим почти неуловимое нечто, которое тут все-таки присутствовало, было практически невозможно. Но я пыталась и – кое-что начало получаться. Вот... еще чуть-чуть... немножечко-о... Есть! Что?!

Я чуть было не шлепнулась прямо на ровном месте, рассмотрев поразительно яркую и живую картинку, которую случайно зацепила, приняв за долгожданную добычу. Это тоже была своего рода добыча, но к расследованию убийств она никакого отношения не имела... Зато имела отношение ко мне, прямое и непосредственное! Да как он смеет?! Что этот... этот маньяк себе позволяет! Мне плевать, с кем он там спит, но мысленно лапать меня, словно какую-то девку... представляя себе все это в таких отвратительно-непристойных подробностях...

Я стиснула зубы, чувствуя, как темнеет в глазах, а рука сама собой тянется к пистолету. Эру! Я же его сейчас убью!

Так. Спокойно, леди, спокойно. Мысль не считается оскорблением, ты помнишь об этом? Помнишь, я тебя спрашиваю?! Спокойно! Отпусти рукоятку... вот так... молодец, умница. А теперь выдохни и расслабь, балрог тебя отдери, свою перекошенную рожу! Зараза! Какие балроги, девочка,

тебя тут кое-кто другой употребить собирается. По прямому назначению, так сказать. Чтоб не шибко-то задирала нос и не забывала, что ты – всего лишь ноги в комплекте с задницей, и нечего тут себе воображать...

Ох. От кого угодно могла ожидать такой подлянки, но от него?.. Что ж, впредь умнее буду. Да. Непременно. А теперь – расцепить зубы, пока я их в порошок не искрошила.

И тут капитан лорд ап-Телемнар сделал то, что ему делать категорически не следовало. Он догнал меня и схватил за локоть. И – снова назвал этим * * *дским «солнышком»! Только теперь я уже абсолютно точно знала, что именно означает эта кличка в его устах...

И тут меня прорвало. Я отдернула руку и сдавленно зашипела, как масло на сковородке:

– Никогда, ни при каких обстоятельствах не смейте называть меня этой позорной кличкой! Я, балрог вас подери, офицер, а не девица для услуг, каковой вы меня, похоже, считаете. Если честь женщины для вас ничего не значит, вспомните хотя бы про честь мундира, – перевела дух и припечатала, уже не заботясь о том, этично слушать чужие мысли или нет. В конце концов, я же не специально подслушивала! – И приберегите ваши... фантазии для тех, кому они будут интересны. Мысли не являются оскорблением, потому я не нуждаюсь в ваших извинениях, можете не трудиться. Однако я

надеюсь, что подобную тему нам с вами больше поднимать не придется.

А вот смотрела я при этом на него совершенно напрасно. Он не то что бы рассвирепел... но, в общем, если бы я сама не была так разъярена, то непременно испугалась бы.

– Мне совершенно не за что извиняться, миледи, – холодно ответил Эрин... хотя нет, пожалуй, капитан лорд ап-Телемнар, нехорошо при этом щурясь. – Меньше надо совать нос туда, куда не просят. Миледи!

Ах, вот значит как?! Я еще и виновата?! А то, что я тут, вообще-то, работаю – это уже не в счет? Здорово. Просто отлично. Какого балрога?! Он влез с этими своими... фантазиями не просто не вовремя, он мне этим вмешательством всю настройку сбил к вражьей бабушке! Столько труда дракону лысому под хвост! Я ему что, ментальный сканер на ножках?!

– Фонить на весь лес меньше надо! – ощерилась я. – Настройку мне сбивать не надо, когда я работаю! Понятно вам? Милорд!

– Главное, чтобы вам понятно все было. Миледи!

О-о! Вот как? Ну, ладно, мне уже все понятно, абсолютно все. Более чем. Нет, я этого не скажу. Хочешь оставить за собой последнее слово? Да подавись!

И на этом наша содержательная беседа завершилась. Все. Воистину, абзац. Полный.

«Мне-то все ясно. Главное, чтобы тебе все было понятно. Миледи!»

Надо было не шипеть, а сразу со всего маху дать Эринрандиру раскаленной сковородкой по морде. Ну, а чего мелочиться-то? Эффект вышел примерно одинаковый. Старый и бородатый анекдот про «Рыбоньку» всплыл в памяти сам по себе. Во времена, когда Эрин был юн и невинен, доступных девушек именовали совершенно другим словом. Может быть, более грубым, но вполне однозначным. Кто виноват, что ныне в моде эвфемизмы, а капитану ап-Телемнару как-то недосуг следить за современными тенденциями словесности.

Казалось бы, ну как еще можно трактовать совершенно искренние слова и поступки? Если не нравится прозвище, которое придумано исключительно из любви и нежности, то надо об это честно сказать сразу, а не накручивать себя, медленно, но уверенно двигаясь в направлении нервного срыва.

Так может поступить только женщина. Раздуть скандал из-за мелочи, такой незначительной, что на неё нет смысла обращать внимания. Все перекрутить, обвинить, заклеить и к тому же обидеть на ровном месте, ни за что.

Что же касается мыслей... В любом другом случае Эрин

бы устыдился и непременно извинился, но сейчас с таким же успехом можно просить прощение за то, что он нормальный мужчина с четко сформулированными пристрастиями в сексе. Вполне, кстати, здоровыми, без извращений и излишеств.

А не лезь в голову к взрослому мальчику, если не хочешь увидеть себя в его мыслях... хм... не совсем одетой. Маленькая ханжа!

Но учинять душераздирающую сцену в стиле бесконечных любовных сериалов для домохозяек, а уж тем паче выяснять отношения, Эрин не стал. В конце концов, женские капризы были, есть и будут. Ему и не такое устраивали, но все как-то обходилось без драки и мордобития. Хотя, конечно, дико обидно...

Поэтому, кратко высказавшись по затронутой теме, энчечекист демонстративно отстранился, сомкнул внутренние щиты и поторопился нагнать Зарина. Эмоции эмоциями, а дело делом. Он будет беситься в свободное от работы время, а сейчас главное – это работа.

Гном уже начал поглядывать на обменивающуюся «любезностями» парочку с нескрываемым удивлением. Ему в легкой джинсовой курточке стоять на месте и ждать окончания беседы, было холодновато.

– Чё случилось-то? – спросил Зарин, обеспокоенный видом напряженных желваков на скулах Эрина.

– Не обращай внимания. У мыслечтецов очень тонкая душевная организация, – как бы нехотя бросил эльф.

– Хорошо сказано. У нас это дело называется – бабьи фокусы, – хмыкнул гном. – Повезло тебе, коллега, с мыслечтением оно сподручнее работать, не спорю. Хотя и приходится терпеть закидоны.

– Приходится, – нехотя согласился следователь.

– А я и думаю, чего это Ытхан прислал не одного тебя, а еще и малявку. А она у нас мыслечтица, – рассуждал вслух гном. – Это обнадеживает.

– Ты только не проговорись никому.

Эринрандир осторожно покосился на идущую чуть позади напарницу. Невозмутима, собрана и надменна, глядит мимо и игнорирует. Ну и правильно! Главное, чтобы у него самого хватило терпения.

– Обижаешь, ап-Телемнар! Как можно? Думаешь, приятно знать, что сам не в состоянии разобраться?

– Ладно, ладно. Ты теперь еще обидься, – фыркнул Эрин. – Совсем хорошо будет, – и чтобы отвлечь соратника от скользких тем доверия-недоверия, добавил: – А как ты сам думаешь, что здесь происходит?

Зарин не на шутку призадумался, накручивая на палец прядь ухоженной смоляной бороды и хмуря густые брови.

– Ты смеяться не будешь? – с сомнением в голосе спросил он.

– Делать мне больше нечего.

– Точно? Ну, ладно. Мне почему-то кажется, что в нашем лесу завелось чудовище. Слишком уж гастрономические у

него способы убийства, не находишь? Одного понадкусывали, двоих выпили.

– Чудовище?

– А почему нет? Вампирюги пиндостанские вывели в секретных лабораториях эдакую помесь удава, паука и пирании. Химерное животное.

– Размером с буйвола, – добавил Эрин, вспомнив о состоянии тел мертвецов с открученными головами, и тоже задумался: – Странно то, что токсикология не показала наличия чего-то, напоминающего желудочный сок. Если брать за основу физиологию паука, то он впрыскивает в парализованное тело жертвы жидкость, разлагающую ткани, а потом высасывает питательный раствор.

– Ну вот!

– Нет. У насекомых хитиновый панцирь, который не растворяется соком. А вот почему не растворилась кожа наших жертв, мне не понятно. Паучья аналогия тут не совсем уместна. Скорее трупы выглядят именно так, потому что в тело наших магов проник... ну скажем, паразит, который сожрал их изнутри.

– А как проник?

– Э-э-э-э....О! Через глаза проник. У лешего и сирена нет глазных яблок.

Гном почесал в затылке.

– Возможно, ты и прав, ап-Телемнар. Тогда моя теория с чудовищем рушится.

– Пожалуй... А может быть, и нет. Вдруг это несколько чудовищ?

– Которые охотятся на магов?

В избирательность вкусовых пристрастий химерных тварей Эрин как-то не верил. Тупая скотина уже давным-давно переключилась бы на местных жителей или хотя бы на их домашних животных. Какая разница, чье мясо жрать, если очень хочется? Мыслей ап-Телемнар читать не мог, но отчетливо чуял присутствие злой воли.

– Я бы сказал, что чудовищ кто-то специально натравливает на магов, – заявил эльф. – А вот скажи мне, в самом Колдубинске много чародеев, кроме целителей, естественно?

– На учете состоят трое местных, – отрапортовал Зарин. – Маха Барабос, медведица-оборотень, работает главным заводским технологом, дроу Сулема Кранн-Тецц – аптекарша, и орк Мудухатар – шаман общего профиля. Да! Еще есть Эфа Горыниевна с ученицей. Прикинь, старая ведьма пригрела девчонку-иномирянку?

Капитан ап-Телемнар хмыкнул. Известно, гоблинши – женщины непредсказуемые, у них, что в голову стукнет, то и будет.

– Почему же – три? Ведь получается, что четыре или даже пять магов, если считать ученицу.

– Эфа живет не в городе, у неё в лесу домик маленький. Там она и обитает. Говорит, так ближе к природе.

– В этом лесу? – вскинулся Эрин.

– Да. Тут не очень далеко.

– Интересно. А они с ученицей ничего такого не заметили?

– Вроде бы ничего особенного.

– Странно, – молвил эльф и поежился.

Эрин бы через три дня повесился на самой высокой березе, до того неуютно он себя чувствовал в этом проклятом лесу.

– А вот мы и пришли, – объявил Зарин и показал на крошечную ложбинку между двумя ясенями. – Тут мы отыскали эльфа.

И пока Нолвэндэ бродила вокруг, исследуя эмоциональный фон, Эринрандир прислонился спиной к дереву и закрыл глаза, чтобы вид напарницы не будил в нем глухой гнев и раздражение. Не время злиться, совсем не время. К балрогам эмоции, когда есть о чем серьезно подумать.

Например, о ведьме-отшельнице, которую не тронул художественный руководитель творящихся здесь злодеяний. Почему так вышло? Она ведь могла стать первой из жертв. И о чем это говорит? О том, что Эфа Горыниевна может быть как непосредственно причастна к убийствам, так и не иметь к ним никакого отношения. И тогда выходит – преступления направлены не против всех магов, а лишь против пациентов МЛТП.

Эрин закурил и стал изучать страничку в папке, посвя-

ценную профилакторию. Прелюбопытнейшее это заведение, надо сказать. Гораздо более затейливое, чем может показаться на первый взгляд. Уединение зачастую способствует развитию скрытых наклонностей, а относительная безнаказанность толкает на воплощение их в жизнь. Знаем мы эти заброшенные хутора, тайные скиты и прочие способы спрятаться от посторонних глаз.

«В этом лесу спятить проще простого, – подумалось Эринрандиру. – Мы с Нол тут всего полчаса, а уже успели поссориться. А если пожить здесь несколько месяцев? Полгода? Год? Она меня пристрелит?»

Неприятное это чувство – все время держать ментальную защиту, а еще противнее – не доверять своему напарнику. Хотя ни о какой эротике речь уже не шла, но Эрину все равно не хотелось облегчать Нол жизнь – помогать в её исследовании. Просто из вредности. А то еще смутит ненароком своими грубыми размышлениями на тему женского коварства и ханжества. Она у нас самая правильная и умная? Тогда вперед за орденами!

Чувствуя, что снова начинает закипать, Эрин подозвал жестом гнома и попросил рассказать о персонале МЛТП. И тут выяснились несколько прелюбопытных деталей из жизни целителей запойных магов. Текучки персонала в «Ёлочках» не наблюдалось. Все лекари работали там уже не первый год, и никто не торопился сменить место жительства. А ведь приходилось круглые сутки сосуществовать вместе. Персо-

нал жил в отдельном блоке прямо на территории профилактики. Получалась эдакая замкнутая община. В таких ому-тах черти как раз и водятся. Главврач, как оказалось, слыл чуть ли не садистом. Больные же время от времени жалова-лись на суровый режим, частенько строчили жалобы, а по-рой сбегали, чтобы попроситься в другое заведение.

– В какое, например? – полюбопытствовал эльф.

– В «Подсолнухи».⁶ Там, говорят, и климат лучше, и пер-сонал душевный, – пояснил Зарин. – Мне тут один прямо таки дифирамбы пел «подсолнуховцам».

«А-атличное название! – ядовито ухмыльнулся капитан. – Кое-кому бы там нервишки полечить не мешало».

– Ну и что удалось обнаружить? – требовательно спросил он у напарницы самым холодным и официальным тоном, на который был способен.

* * *

После столь бурной в эмоциональном плане беседы я, как это ни странно, довольно быстро успокоилась. Не то чтобы перестала злиться... хотя да, и это тоже. Перестала. Вероят-но, выплеснув столь долго копившуюся агрессию, я попро-

⁶ Подсолнухи – игра слов. По-эльфийски – Анарилотиони – солнечный цветок, подсолнух.

сту исчерпала свой лимит раздражительности на сегодня, а потому была сейчас спокойна, словно хинтайский танк. И, совсем как тот танк, неповоротлива. Не в движениях, в мыслях. Они текли теперь плавно и чуть замедленно, и чем дольше мы шли по лесу, тем легче и спокойней становилось их течение. Удивительно, но мне почему-то было уже хорошо. Вот только спать снова захотелось, но пушистая мягкая усталость, от которой сами собой пытались закрыться глаза, во все не казалась чем-то неприятным или неожиданным. Что тут удивительного? Позлилась, поорала – теперь отхожу от вспышки. Все нормально. А может, это лес меня успокаивает? Мне же всегда становиться значительно проще переносить внезапные неприятности, стоит лишь выбраться в лес – любой. А этот лес – особенный. Он не просто прекрасный, он... дивный. Да! Вот это слово. Дивный лес.

Когда гном объявил вдруг, что мы пришли, я чуть было не споткнулась от неожиданности – настолько это место было светлым и приятным. Ясени, чуть склоняющиеся друг к другу над маленькой ложбинкой... мягкая зелень мха у их корней, уже свободных от снега... солнечный луч, запутавшийся в ветвях. Как... волшебно. Как спокойно. Как тихо... тихо-тихо, ни шороха, ни звука... Лишь резкие голоса и дыхание двоих чужаков нарушают гармонию этого места.

Где же тот страх, то молчание, что я чуяла совсем недавно? Где тяжесть? Ушла... Странно, так странно это... но теперь разве я должна анализировать? Я ошиблась там, по до-

роге, приняв собственный непокой за окраску ментального фона. Я больше не боюсь – и в лесу страха нет тоже...

Я вдруг поняла, что если бы у меня был выбор, я бы хотела *уйти* именно здесь. Этот уголок Леса дышал покоем и... жизнью. Здесь не было места страху, ярости, страсти, ненависти. Здесь была жизнь, мирно спящая до поры...

А вот смерти здесь не было вовсе. Я замерла, досадливо морщась. Несчастный эльф погиб именно здесь? Это точно? Потрясла головой, не замечая, как начинаю слепо кружить на этом пятачке, словно вынюхивающая след ищейка. Что-то не так... нет, не может быть, чтобы здесь произошло убийство! Здесь не пахнет насилием и болью! Здесь – лишь сон и возрождение... Как чудесно.

Закрыв глаза, я остановилась меж двух деревьев и коснулась ладонью одного из стволов. Ясень был теплым, теплым... хотелось прижаться к нему щекой и потереться о кору, тихо мурлыкая. Обхватить его руками и застыть... заснуть... заснуть...

– ... удалось обнаружить?

Я отреагировала на то, что прежде казалось мне лишь каким-то далеким, отчасти враждебным рокотом. Оказывается, это голос? Его источник виделся каким-то темным, холодным и... острым пятном среди золотистого мягкого света этого места. Что за нелепое колючее создание, откуда оно взялось?

Я моргнула раз, другой – и поняла, что ко мне, вообще-то, обратились с вопросом. А, да это же наш доблестный милорд! Отчего-то он смотрелся здесь и сейчас не более уместно, чем какое-то подземное существо, выползшее на свет. Неприятное зрелище. Хладнокровная жесткая... тварь, вроде дровского боевого ящера. Но я его не боюсь. Я вообще ничего не боюсь... мне нечего бояться здесь.

– Леди Анарилотиони, вы оглохли? Мы тут уже полчаса. Вы обнаружили хоть что-нибудь?

– Убийство точно произошло именно здесь? – ответила я вопросом на вопрос, повернувшись ко гному. – Вы уверены, что это было на этом месте?

– Чего? – Зарин выпучил глаза. – Леди, здесь лежал труп со свернутой шеей!

– Хм... – Я покачала головой. – Странно. Видите ли, любое подобное действие – в нашем случае, убийство – оставляет определенный след в, скажем так, эмоциональном поле. След насилия, боли, смерти, активных действий убийцы, наконец...

– Ближе к делу, сударыня, – холодно прервал меня Эринрандир. – Не надо цитировать нам учебник.

Я выгнула бровь и поморщилась.

– Ближе так ближе. Здесь нет следов насильственных действий одного живого существа по отношению к другому. Ни в ментальном поле, ни в эмоциональном. Здесь вообще нет следов насильственной смерти. Поэтому я повторяю вопрос

– вы уверены, что убийство произошло именно здесь?

– Это подтверждают результаты экспертизы. А ваши... видения не подтверждены пока ничем.

Гном мудро помалкивал, только головой вертел между мной и эльфом.

– Ну что ж, – я пожала плечами, – получается тогда, что либо наш труп умер здесь сам, естественным путем, либо убийца не оставил никаких не-вещественных следов. Либо я недостаточно компетентна, чтобы это обнаружить.

– Вещественных тоже не оставил, – тихонько буркнул себе в бороду Зарин.

– То есть вы беретесь утверждать, – с ледяной издевкой процедил Эринрандир, – что жертва сама свернула себе шею, не испытывая при этом никаких неприятных ощущений?

– Вы это сказали, не я, – чуть поморщившись, я ответила так равнодушно и спокойно, что сама себе удивилась. – Мне более нечего добавить. Разве что, – я отвернулась и продолжила уже тише, скорее для себя, чем для них, – разве что мне стоит тут задержаться. Или прийти еще раз? Так, чтобы не было... отвлекающих факторов... Хм... – я забормотала еще тише, забывая о слушателях: – В третьем диапазоне пси-волна нестабильна, возможно, если отсечь помехи...

– Пошли отсюда, – встрял Зарин. – А то «Елочки» закроются. Леди, вы идете?

– А? – Я натолкнулась на раздраженный и нетерпеливый взгляд напарника и вяло удивилась его агрессии. Что это с

ним? – Идите-идите, я сейчас...

– Лейтенант Анарилотиони, следуйте за мной. Немедленно, – прошипел Эрин.

Злится... Странно. С чего бы это? Почему-то теперь мне наша стычка по дороге сюда казалась какой-то поразительно мелкой и несущественной. Идти за ним следом категорически не хотелось. Я бы лучше еще немного побыла здесь... послушала, что скажет мне этот спящий, но удивительно чуткий, дивный лес... Крайне неохотно, ощущая почти физическую боль от расставания с этим местом, я все-таки подчинилась. Ничего, я еще найду время, чтобы вернуться сюда. Обязательно.

* * *

На обратном пути к машине Зарин сын Иприта делился с Эрином своими впечатлениями от предыдущих визитов в профилакторий. Надо сказать сразу, впечатления гнома отличались противоречивостью и неоднозначностью. И чем больше он рассказывал, тем сильнее Эринарандиру хотелось самому узреть сей... паноптикум. Имея самые скромные для эльфа магические способности, которые капитан ап-Телемнар никогда, как следует, не развивал, он все же оставался представителем одной из Волшебных рас, а потому чисто ги-

потетически рисковал однажды очутиться в подобном заведении в качестве пациента. Так что совсем неплохо было бы ознакомиться заранее.

На старом проржавевшем указателе перед полустершейся надписью «Елочки» кто-то нарисовал большую букву «Т» ядовито-зеленой краской. Ничего удивительного, подростки всех рас во все времена мыслят примерно одинаково и все, как один, полагают подобную выходку удачной шуткой. Зарин хмыкнул, но Эрину было не смешно. Куда подевался весь его утренний оптимизм? Уморен одной вредной эльфийской девой. Руль не слушался, плечи ломило от усилий его удержать, и в целом навалилась такая темная усталость и глухое саднящее раздражение.

Вид высокого кованого забора навевал мысль об томящихся за его чертой изможденных и несчастных узниках, а вовсе не о скором и безболезненном излечении от магического запоя. Оставив машину возле будки охраны, энчечекисты вынуждены были еще пятнадцать минут идти по широкой аллее, засаженной по обеим сторонам вековыми ёлками. И под каждой из них Эрину мерещился безымянный могильный холмик. По газонам бродили жирные вороны, а чуть вдалеке виднелись одинаковые одноэтажные жилые корпуса. Если ко всем удовольствиям добавить накрапывающий дождик из внезапно набежавших, откуда ни возмись, туч, то надо ли объяснять, насколько неуютно чувствовал себя доблестный рыцарь-энчечекист и, по совместительству, сексу-

альный маньяк? Мало того, административное здание пряталось среди небольшого, но очень мрачного ельника, и выглядело так, словно еще вчера здесь приносились кровавые жертвы. Крашенные в грязно-желтый цвет стены до середины первого этажа поросли рыжеватым мхом, вход охраняли какие-то жуткие каменные монстры, исполняющие одновременно функцию колонн, поддерживающих ложный портик. Присмотревшись к ним получше, Эрин сделал еще более неприятное открытие – на поверку монстры оказались... муженщинами. По-другому и не скажешь. Каменная набедренная повязка явно прикрывала что-то опасное для общественной морали, а на мускулистом торсе красовались две пары грудей. И это при том, что нижняя часть лица скульптуры была женская, а верхняя – рыба. Монстры пучили безумные глазищи и были с ног до головы забрызганы чем-то... очень похожим на кровь.

– Кетчуп, – сдавленно молвил Зарин, мазнув пальцем по ближайшей к нему застывшей капле.

Энчечекисты поднялись по растрескавшимся ступенькам на высокое крыльцо, и оказалось, что массивная дверь заперта изнутри. Звонка же, как такового, к ней не прилагалось.

Эрину и Зарину пришлось стучать не меньше четверти часа, прежде чем внутри заскрежетал замок, а следом за ним – как минимум дюжина засовов.

– И кто там?

– Свои! – гаркнул гном. – НЧЧК! Открывайте!

За дверью сдавленно пискнули и поспешили выполнить приказ сына Иприта. На пороге стояла глазастая, похожая одновременно на караса и мышь-песчанку, наяда в полосатой юбочке и желтом свитерке.

– Добрый день, Теляпия, – поздоровался Зарин. – А главный врач на месте?

– Д-добрый, – с величайшим трудом выдавила из себя девушка свистящим сдавленным шепотом. И на её вытянутом лице не отразилось даже тени понимания происходящего.

– Разрешите нам войти, сударыня, – решительно сказал Эринрандир и, отодвинув наяду чуть в сторонку, двинулся внутрь здания.

– Танк Гашишиевич занят, – отчаянно пискнула та.

– А мы подождем, когда он освободится, – заверил её эльф.

В холле, темном и сыром, сильно пахло мышами, вале-рианкой и канифолью. До того сильно, что после свежего лесного воздуха энчечекист чуть не задохнулся. Нолвэндэ закашлялась, а Зарин чихнул. Отсюда хотелось бежать, как можно скорее, но все же холл стоил того, чтобы разглядеть его получше. На полу имелась старинная мозаика: здоровенный голый дядька, разрывающий пасть рогатому животному неопределенной породы. Ленточка, игриво завязанная на шее раздираемой твари, гласила «Недуг», а у дядьки прямо на лбу было начертано золотыми буквами «Лекарь». Сцена даже Эрину показалась слишком уж натуралистичной. И тем

более непонятно было, в чем сокровенный смысл разрывания пасти. Из холла навверх вела полукруглая лестница, а у её подножья располагалась огромная черная ваза. И если бы вокруг чаши не обвивалась бронзовая змея, то никто бы и внимания на вазу не обратил. Но уж больно изумленное выражение было написано у пресмыкающегося на морде, словно змею до глубины хладнокровной души потрясло содержимое собственной отрыжки. Эрин не удержался и заглянул в чашу. Бронзовой гадине можно было посочувствовать. На дне лежал мумифицированный трупик мыши. Летучей мыши.

Откровенно говоря, лорду капитану ап-Телемнару было страшно вато стучать в дверь с пластиковой табличкой «Главврач». И он не ошибся. За обширным, почти как футбольное поле, столом сидел тайный брат-близнец товарища Шрака только абсолютно лысый и без одного уха.

– Танк Гашиши-ши-шиевич, они сами, – заявила няяда, резво прискакавшая следом за энчечекистами. – Я сказала им...

– Ничего, ничего, Теляпия, вы все сделали правильно, – молвил гоблин, быстро взглянув на предъявленные удостоверения, и нервно дернул ухом. – Здравствуйте,... товарищи!

Рука у него была такая горячая, что Эрин едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от боли.

– Чем могу служить? – спросил главврач, по очереди по-

здоровавшись с незваными гостями. – Или вы по поводу убийств?

– Вы весьма догадливы, Танк Гашишиевич, – невозмутимо ответил эльф.

В кабинете, кроме как у хозяина, никаких других кресел не водилось. Посетителям вменялось в обязанности стоять. Факт, говоривший следователю о многом.

Глава 4

19 марта

Будь на то воля самого Эрина, в «Ёлочках» уже на следующее утро хозяйничали бы парни товарища Дзира, а Танк Гашишиевич и вся его... банда сидели бы в одиночных омега-камерах областного управления НЧЧК. Потому что более странного и подозрительного места ап-Телемнару видеть в своей жизни не доводилось.

Чего только стоило чучело дятла, которое не выпускал из рук одноухий гоблин. Одного взгляда хватило, чтобы понять – птица умерла мученической смертью, и даже после кончины душа её не обрела возможности для реинкарнации.

– Мы бы хотели еще раз посмотреть амбулаторные карты погибших, познакомиться с персоналом и опросить пациентов, – сказал Эрин.

– У нас сейчас обед, – прошептал гоблин и прижал к груди чучело.

– А после обеда?

– Сеанс психотерапии и массаж, – сдавленно всхлипнул главврач, косясь одним глазом на строгого следователя, а вторым на мыслечтицу.

Выходило так, словно глазные яблоки гоблина собираются броситься врассыпную подальше от переносицы. Не самое

приятное зрелище в мире, замечу я вам.

– У нас работа такая. Придется прервать массаж, – жестко молвил эльф.

– У нас лечебный процесс, – вяло возразил Танк.

– А у нас следственные действия.

И вдруг черные очи гоблина резко вернулись на положенное природой место, и взор его обрел точнейшую фокусировку.

– Где ваши амулеты? – звонко, почти истерично спросил он и чучелом указал на грудь Нолвэндэ.

– Какие еще амулеты?

– Обыкновенные, защитные, сильные, – вскричал главврач и быстро достал из-за пазухи связку разнообразных амулетов-талисманов. – Кто вы вообще такие, господа?

Эрин слегка ошалел. Гоблин явно страдал провалами в памяти.

– Мы – офицеры НЧЧК! Капитан ап-Телемнар, старший лейтенант тар-Иприт и лейтенант Анарилотиони. Вы же видели наши удостоверения.

Вместо ответа Танк Гашишиевич вскочил из-за стола и устремился к Нолвэндэ. Эрин едва успел заступить ему дорогу и закрыть собой девушку. Рука его сама собой легла на рукоять «Куталиона».

– Танк, Танк! Вы чего? – воскликнул гном и буквально повис на руке у спятившего гоблина. – Мы – свои.

Главврач как-то совсем недоверчиво потер между пальца-

ми рукав Эриновой куртки, словно пытаюсь убедить себя в реальности происходящего.

– Так вы из НЧЧК! Что же вы сразу не сказали, – облегченно выдохнул гоблин и радостно дернул ухом. – У вас же иммунитет и прививки плановые.

– Что здесь происходит? – подозрительно спросил Эринрандир, выдирая свой рукав из цепких пальцев Танка Гашишиевича. – Что, паучий случай, тут творится? А?

Гоблин смущенно пофиолетовел и стал нервно оправдываться:

– Сейчас столько проходимцев развелось, ужас просто. Коммивояжеры, сетевики, агитаторы. Просто спасу никакого нету от них. Все ходят и ходят, ходят и ходят. Я уже и табличку смастерил, – он показал на стандартный листочек, висящий над его головой, на котором акварельной краской по трафарету было написано: «Смерть какнадским⁷ оптовым фирмам и сетевому маркетингу!!!». – Я тут, нечистым делом, подумал, что очередные охмуряторы явились. Вы уж извините, товарищи офицеры.

Отношение к оптовому какнадскому бизнесу и сетевому маркетингу у Эрина целиком совпадало с начертанным на плакате лозунгом. По большому счету методы, применяемые при вербовке адептов обоих полукриминальных течений, мало чем отличались от запрещенной и уголовно наказуемой некромантии. Разница лишь в том, что некроманты

⁷ Какнада – мифическая страна всеобщего благополучия, плод галлюцинаций.

превращали в зомби мертвецов, а какнадцы и сетевики промывали мозги живым.

– По весне эти банды обычно активизируются, вот мы и осторожничаем с каждым пришлым, – продолжал оправдываться главврач. – Вы поймите правильно, товарищ капитан, мы тут живем уединенно, друг другу привыкли доверять. В прошлом году наши чистые душой девушки накупили всякой дребедени втридорога – поясов там для похудения, скороварок, оздоровительных пирамид, книжек по гаданию. Потом едва до зарплаты дожили. Вот я и осторожничаю.

Гоблин самозабвенно вещал, словно глухарь на токовище, не слыша себя и не вызывая ни малейшей веры в свои слова. Ему вторила низким горловым курлыканием наяда Теляпия, успевшая забиться в дальний угол кабинета, и с нескрываемым ужасом тарашившаяся оттуда поочередно на всех энчекистов.

– Так что вы не обращайтесь внимания, товарищ капитан, – проворковал Танк Гашишишевич, баюкая на руках убиенного дятла. – Жизнь такая. Непростая и полная... оп... неожиданностей.

– Так мы можем выполнить наши профессиональные обязанности? – осторожно полюбопытствовал Эрин.

– Конечно, конечно, капитан ап-Телемнар. Только будьте осторожны. Простудиться можно. Хотя у вас ведь иммунитет. Это хорошо... очень хорошо... просто замечательно...

Танк, похоже, гипнотизировал сам себя монотонными движениями, потому что его глаза снова стали обретать загадочную стеклянность.

Едреные пассатижи! Это не профилакторий никакой, это дурдом во всей красе, решил Эрин, чувствуя, как напряжены его собственные нервы. Самому неплохо бы удержаться от реактивного психоза.

И тут в его мысли, прорывая все барьеры, словно к себе домой, ввалилась Нолвэндэ. Ей бы на БТРе кататься с таким напором! Мыслечтица нев... необыкновенная!

* * *

Столь долго расписываемый нам во всех красках МЛТП «Елочки», и верно, показался мне стоящим внимания. Более забавного места я в жизни своей не видела. Это был какой-то гимн гротеску – настолько нелепо и уродливо, что уже не пугало, а лишь смешило. Ну, по крайней мере, меня. Насчет моих спутников утверждать не возьмусь – больно уж мрачные у них были лица. В итоге весь скорбный путь от ворот до обители главврача я проделала, путаясь сохранить невозмутимость и не засмеяться в голос. Больно уж напоминал местный антуражик старый-престарый пиндостанский «ужастик» «Горы Близнецов». В детстве мы с братьями частенько

пересматривали стр-рашный фильм по ночам в нашей одной на четверых комнате. Преимущественно – бурными темными ночами. И смеялись чуть ли не до колик. Не умеют пиндостанцы снимать по-настоящему жуткие фильмы, так, чтоб дрожь пробирала, и сердце начинало бешено стучать где-то ниже коленок. Вот и «режиссер» местного ужастика переборщил со спецэффектами. Один только кетчуп на несчастных привратных статуях чего стоит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.